

ЕВРЕЙСКИЙ ДАМЕРТОН

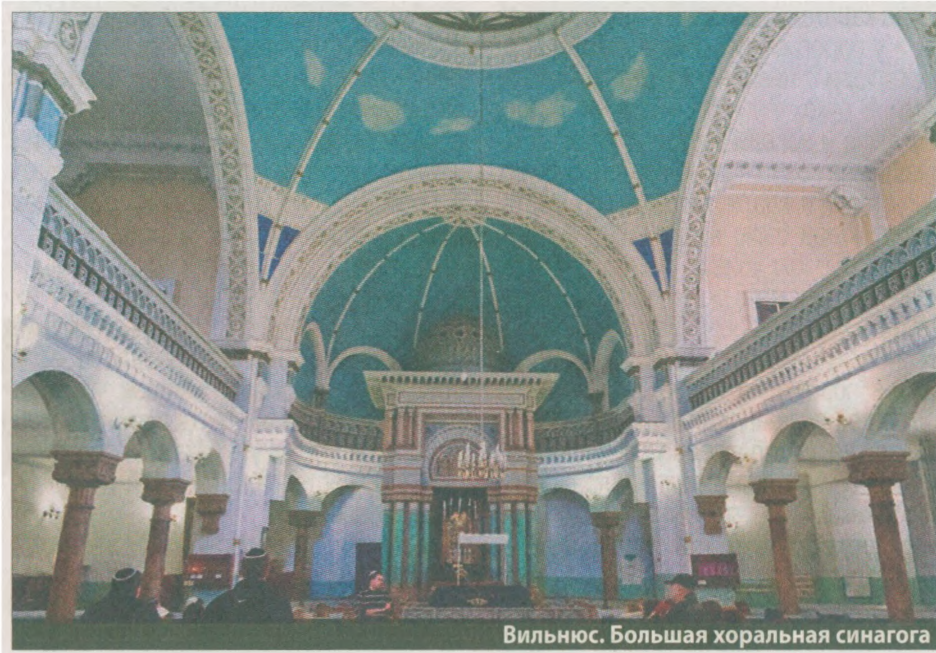
ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЕРУШАЛАИМ ДЕ ЛИТА

Ханох ДАШЕВСКИЙ

Иерушалаим де Лита - это Литовский Иерусалим, это Вильно - древняя и современная столица Литвы Вильнюс. Название "Вильно" звучит по-славянски, оно с тех времен, когда Литва была составной частью объединенного польско-литовского государства. Поляки считали город своим, литовцы и белорусы - своим, но евреев их распри не касались. Евреи жили своей еврейской жизнью, которая, несмотря на отдельные негативные периоды, была лучше, чем в большинстве европейских стран. С тех пор, как в XIV в. литовские князья, руководствуясь экономическими мотивами, начали предоставлять евреям свободу вероисповедания и право владеть собственностью в Литве, сюда устремлялись их гонимые европейские собратья. К концу XVIII столетия, когда вместе с Польшей Россия получила и Литву, Вильнюс-Вильно уже был мировым еврейским центром, оплотом раввинистической учености, самым крупным во всей необъятной диаспоре средоточием знатоков Талмуда. И если в раннем средневековье еврейские мудрецы-гаоны обитали в городах древней Вавилонии, Суре и Пумбедите, а позже в Испании и в знаменитых, уничтоженных крестоносцами, рейнских общинах, то в XVIII в. самый большой Гаон еврейского мира жил в литовском Иерусалиме - городе Вильно.

В личности раввина и философа, мудреца Элиягу и заключалась главная причина того, что Вильно стали называть Литовским Иерусалимом. Правда, "штатным" раввином Элиягу а-гаон, или "Агра" (А-гаон рабби Элия), никогда не был. Он вел аскетическую жизнь праведника, и был раввином не по должности, а согласно почетному титулу. Принципиальный во всем, он отличался крайне строгим отношением к исполнению заповедей и не считал возможным



Вильнюс. Большая хоральная синагога

что-либо менять в еврейской традиции, даже если к этому подталкивали изменяющиеся условия жизни. И если бы не он, существует большая вероятность того, что "литовского" направления в иудаизме, с которым, в известной мере, ассоциируются литовский Иерусалим и литовское еврейство, не было бы сегодня. Потому что победную поступь хасидизма на границе Литвы, куда входила в то время и часть Белоруссии, остановил именно бескомпромиссный "Агра". Хотя и не полностью. Хасиды были в еврейской общине Вильно, были и в Литве. Молились они отдельно.

Человек феноменальных способностей, с юных лет учивший Тору самостоятельно, так как не нашлось для него достойного учителя, рабби Элия имел непререкаемый авторитет у евреев Литвы и широкую известность за ее пределами. То, что хасиды променяли книжную ученость на молитвенный экстаз и каббалистические медитации, то, что они "спускали" тайное" еврейское учение в массы, объясняя на понятном народу языке суть каббалы, в то время как вековая традиция наложила на подобные занятия суровые ограничения,

вызвало гнев Гаона и отношение к хасидизму, как к ереси. Для "Агры" был неприемлем подчеркнутый демократизм первоначального хасидского братства и отсутствие почитания мудрецов-талмудистов, стоявших на самом вершине еврейской общественной структуры. Хорошо знакомый с современной наукой, Виленский Гаон рассматривал хасидских руководителей как недостойных уважения невежд, осуждал деятельность цадиков-чудотворцев, а само хасидское движение считал разновидностью ложного мессианства. Дважды, в 1781-м и 1796 г., рабби Элия объявлял отлучение и бойкот хасидов (херем), что было равносильно войне, поскольку противники хасидизма не могли иметь с последователями злейшего врага Гаона, основателя хасидского движения Баал Шем Това, никаких отношений, в том числе брачных и деловых. Особенно зловеще прозвучало заявление Виленского Гаона о том, что если бы у него была возможность, он выступил бы против хасидов так, как пророк Элиягу против жрецов Баала. К чести хасидов надо сказать, что, признавая Гаона за выдающийся вклад

в развитие иудаизма великим евреем, они старались не питать к "литвакам" враждебных чувств, в отличие от последних.

В 1795 г., с последним разделом Польши, Литва стала частью Российской империи и вошла в черту оседлости. Широкая автономия, которой пользовались евреи в Польше, была ограничена. Обвиняя евреев в дурном влиянии на христиан, в Литве и Белоруссии им запрещали проживать в сельской местности. И хотя из-за войны с Наполеоном и многочисленности еврейского населения изгнание евреев из деревень удалось осуществить лишь частично, число еврейских жителей Вильно возросло, и он превратился в важнейший еврейский центр всего обширного Северо-Западного края. И насколько уместно называть чужбину домом - настолько польско-литовский Вильно стал оазисом в пустыне для скитальцев Израиля. Школы и иешивы, молитвенные дома и мастерские, базары и лавки, и самое главное для народа Книги - еврейская типография. Одна из двух, разрешенных тогда в России. И если взять в руки сохранившееся с тех пор пожелтевшее еврейское издание, на обложке часто можно увидеть гриф: "Напечатано в Вильно". Существование типографии способствовало расцвету религиозной еврейской жизни. Ведь "литовское" направление было книжным. Сочинения Виленского Гаона и других выдающихся раввинов печатались в Вильно. Несмотря на общее угнетение еврейского населения, виленские евреи находились в более выгодном положении, чем их собратья в других регионах империи: здесь разрешалась еврейская культура. Именно в Литве возникли иешивы нового типа. Не местного значения, предназначенные для учащихся определенного города или местечка, а такие, куда стекалась наиболее талантливая и подготовленная молодежь из всех пределов черты оседлости. Знаменитая иешива "Рамайлес" (по имени рава Майлеса) находилась в Вильно, но наиболее

Окончание на стр. 6

БЕССАРАБИЯ: ЕЩЕ ОДИН СЛУЧАЙ "ЗАБЫТОГО" ХОЛОКОСТА

Алексей ТУЛБУРЕ,

директор Института устной истории
Молдавии

Оргеев - небольшой молдавский городок к северу от Кишинева, раскинувшийся вдоль берега реки Реут. Как-то, будучи там, я зашел на городское еврейское кладбище. Сделал довольно много фотографий и через несколько дней опубликовал их - кладбище очень красивое - в социальных сетях.

Из 70 фотографий могил и надгробий повышенный интерес читателей вызвала только одна. На ней надгробный камень со следующей надписью: "Вечная память сынам Вассерштайнам Яше и Мееру, павшим в бою в 1945 г., май месяц", и там же чуть ниже через разделительную черту - о другой смерти, смерти не в бою: "Бабушка Эtl и ее дети Фроим, Зися, Хоня, Рухл и двое внуков, убитые румынскими жандармами в 1941 г., село Булаешты".

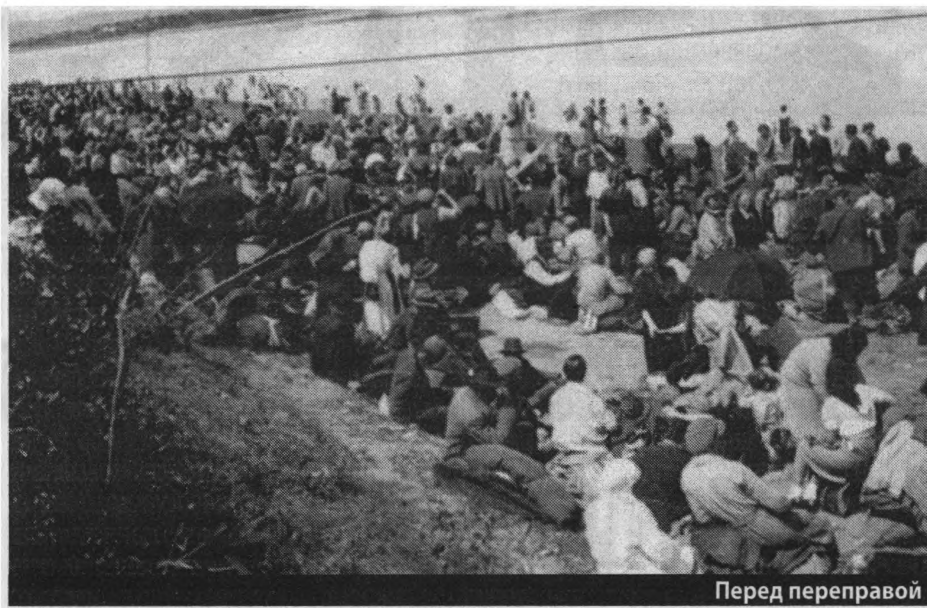
Очевидно, упомянутые в надписи - члены одной семьи. Большинство сгнуло в Холокосте, двое погибли на фронте в самом конце войны. По характеру надписи и немного неправильному русскому языку можно сделать вывод, что памятник был установлен в частном порядке оставшимися в живых родственниками погибших, и никаких пропагандистских целей (красная звезда сверху - скорее идеологическая дань эпохе) не преследовал. С большой долей вероятности можно утверждать, что в могиле нет останков ни одного из упомянутых в надписи людей - погибшие в бою захоронены, как было принято на фронте, на месте гибели, а бабушка Эtl с детьми и внуками лежит, вероятно, в окрестностях Булаешты.

Фотография собрала довольно большое количество комментариев. Некоторые откровенно нацистского характера¹, прославляющие Кондуктора², обвиняющие автора фотографии в разжигании румынофобии. Другие - очень характерные в контексте обсуждения местного Холокоста - противопоставляя, напоминали о жертвах массовых репрессий советской власти в Молдавии³. Многие вспоминали о том, что об издевательствах над евреями во время войны им рассказывали бабушки и дедушки.

Кто-то назвал меня, опубликовавшего эту фотографию, "трибуном зверств, пришедших со стороны". Однако были и комментарии о том, что в 1941 г. евреев убивали и местные, а не жандармы (в частности речь шла о селе Кэпрешты, ныне Флорештского района).

Под этой фотографией был и такой рассказ: "По воспоминаниям старой кишиневки... Когда жандармы и их холуи шли на очередное "дело", люди уже понимали, что... собирают евреев и родственников коммунистов для расстрела.

Одно из послесловий к книге Яна Томаша Гросса "Золотая жатва"



Когда каратели врывались в дома жертв <...> у порогов этих домов стояли простые люди с невинными, детскими глазами. В руках у них были мешки. Среди них были и соседи жертв и люди, наладившие на сбыте награбленного бизнес. Они стояли и ждали, когда уведут жертв. Таких людей было много". И в другом месте: "Те, кто убивал, пытал и мучил, получали возможность грабить своих жертв. Это было основным двигателем их преступлений. Румыны по праву хозяев положения брали ценные вещи - украшения, деньги, что-то дорогое. То, что их не интересовало, позволялось брать их бессарабским (молдавским) пособникам. То, что оставалось после них, могли брать те, кто стоял с мешками у порога..."

Полемика явно вышла за пределы обсуждения надгробия на старом еврейском кладбище, затронув темы, находящиеся у нас под своеобразным неписанным, необъявленным, но почти общепринятым запретом, - массовое убийство евреев во время Второй мировой войны в Бессарабии и участие местных жителей в убийствах и грабежах.

Книга Яна Томаша Гросса и Ирены Грудзиньской-Гросс "Золотая жатва" построена в форме комментария к другой фотографии. Люди, изображенные на ней, участвовали в том, что можно назвать величайшим ограблением, "перехватом" еврейского добра. Ограблением, которое шло рука об руку с физическим уничтожением европейских евреев. Уничтожение и мародерство охватили всю Европу.

Антисемитизм, практика его применения, в том числе на уровне государственной политики, варьировали от страны к стране (в Германии - "ариизация", в Румынии - "румынизация" и т.д.), однако, как отмечают авторы, "местные общества с удовлетворением воспринимали общие признаки механизма "перехвата" <...> и перераспределения еврейской собственности в пользу

арийцев". Грабеж и легкое обогащение за счет собственности уничтоженных евреев стали одним из главных факторов антисемитской политики на государственном уровне и на уровне поведения членов местных сообществ не только в Германии, но и на территории всех оккупированных ею государств.

Золото и другое еврейское имущество уходило в руки арийцев и других неевреев не только из лагерей смерти, откуда оно транспортировалось эсэсовцами эшелонами. Евреев убивали и грабили в селах и городах по всей Европе. И в этих убийствах и грабежах активно участвовало местное нееврейское население.

История Бессарабии⁴ периода Второй мировой войны - еще один пример замалчиваемого Холокоста. В советское время истребление евреев растворилось в более широко сформулированной теме злодеяний немецко-фашистских оккупантов против советских граждан. В период после объявления независимости Республики Молдова Холокост просто замалчивали. В крайних проявлениях - отрицали. Правда же в том, что Бессарабия была еще одной европейской территорией, на которой разворачивалась драма Холокоста.

Приказ об уничтожении части евреев Бессарабии и Буковины и о депортации остальных был отдан Ионом Антонеску по собственной инициативе без какого-либо давления со стороны немцев. Для выполнения этой задачи он выбрал жандармерию и армию, в задачи входило и создание специальных команд, которые, опережая армию, "создавали в селах неблагоприятную для евреев атмосферу для того, чтобы население само желало бы избавиться от "иудейского элемента" средствами, наиболее соответствующими обстоятельствам".

Приказы, полученные румынской жандармерией еще до начала военных действий на территории СССР, о

"зачистке территории" в Бессарабии и Северной Буковине не оставляют места для интерпретаций. Специальные приказы от 18 и 19 июня 1941 г. предусматривали разворачивание в этих двух провинциях легионов жандармов. Генерал Константин (Пики) Василиу, генеральный инспектор жандармерии, дал в г. Роман офицерам следующие инструкции: "Первая мера, которую надо предпринять - это зачистка территории. Под зачисткой территории подразумевается: уничтожение на месте всех евреев, находящихся в сельской местности; закрытие в гетто всех городских евреев; арест всех "подозрительных", партийных активистов, тех, кто занимал ответственные посты при советской власти и их конвоирование в расположение легиона". Как вспоминал позже один из жандармов, командир Оргеевского жандармского легиона говорил своим подчиненным, что необходимо убивать всех евреев, от младенцев до беспомощных стариков, поскольку все они угроза для румынской нации.

Историк Владимир Солонарь говорит о более или менее общем сценарии атак на евреев: "Первые убийства совершали румынские военные и жандармерия с участием местных экстремистов (как правило, бывших членов фашистских партий) и оппортунистов. Затем главную роль начинали играть местные жители, которые выявляли, собирали и эскортировали евреев к месту казни. Они же иногда принимали участие в расстрелах, "добывании" раненых и грабеже мертвых тел. Надо отметить, что советских активистов неевреев румынские власти, зачастую, несмотря на требование односельчан, как правило, оставляли в живых, осуждая на различные тюремные сроки или каторжные работы".

В.Солонарь приводит пример, когда местное христианское население открыто встало на защиту своих односельчан-евреев. Единственный пример. И это случилось не в Бессарабии, а в буковинском селе Виртекэуць, где люди стали на колени перед румынскими жандармами, ведущими 12 семей местных евреев на расстрел за окраину села, умоляя карателей отпустить односельчан. Жандармы всех освободилиб.

Этот случай указывает на то, что в случае активной защиты со стороны христиан сотни и тысячи жизней невинных людей могли быть спасены. Румынские войска и жандармы в Бессарабии и Буковине не считали себя оккупантами и не могли не прислушиваться к мнению местного христианского населения.

Но защиты практически не было, было активное и массовое участие в убийствах и грабежах. Большинство таких случаев хорошо изучено и задокументировано.

В селе Чепелеуцы Бричанского района Бельцкого уезда были убиты свыше

190 местных евреев и беженцев из других населенных пунктов. В убийствах участвовали 14 местных жителей, имена которых были установлены. Среди убийц были и две женщины, проявившие особую жестокость в отношении своих жертв: "Корорарь, жена Корорарь Василия Ивановича, добивала раненых граждан свинцовым нарукавником... Рокимчук Евгения с еще не умерших от ран выбивала золотые зубы изо рта, обрезаала пальцы с золотыми кольцами".⁷

В селе Цыганешты, после того как местные жители помогли жандармам идентифицировать и собрать евреев села, которых сразу же повели на край села для казни, некоторые вызвались участвовать в расстреле. После расстрела участвовавшим в нем местным жителям разрешили взять одежду убитых.

В Хынчештах после того, как румынские военные согнали евреев города к месту расстрела, один солдат, сославшись на плохое самочувствие, отказался стрелять. Тут же двое местных жителей высказали желание участвовать в казни. Они же после расстрела добивали раненых "контрольными выстрелами".

В Думбравенах, крупнейшем еврейском поселении на севере Бессарабии, после появления там румынских войск местное нееврейское население, поддержанное крестьянами соседних сел Дубно, Вэдены и Парканы, начало массовые расправы над евреями. Погромщики разграбили все дома, растащили все имущество, включая мебель, угнали домашний скот. На всем протяжении погрома, который длился несколько дней, "соседи" зверски избивали и расстреливали евреев.

По похожему сценарию случился погром в местечке Згурица. Ефим Френкель, выживший в этой резне, вспоминал: "Молдаване начали забирать все, начали насиловать, молдаване начали бить людей, молдаване отрезали голову еврею косою".

Погромы, убийства и грабежи проходили на всей территории Бессарабии и Северной Буковины: Кишинев, Бельцы, Единцы, Оргеев, Бричаны, Кагул, Котовск (сегодня - Хынчешты), Ниспорены, Пепены, Скулены, Татарешты, Черновцы, Херца, Хотин, Чудей, Сторожинец, Ропча, Иорданешты, Петровцы, Панка, Бросковцы, Липканы, Стэнешты, Жадова Веке, Костешты, Хлиница, Будинешты и т.д. В этом участвовали не только "отбросы общества". Диана Думитру, анализируя материалы расследования преступлений и личности обвиняемых в них, дает обобщенный образ тех из местных, кто убивал и грабил евреев: "С небольшими исключениями, это были этнические молдаване, мужчины в возрасте от 30 до 40 лет (иногда от 20 до 30), женатые, имеющие детей. Большинство - так называемые середняки, <...> почти половина - грамотные..." и т.д. Из здесь мы видим то, что Гросс в своей книге называет "социально приемлемыми действиями", "овеществлением", т.е. исключением евреев из числа людей.

Те, кто не были убиты в первые дни

и недели войны, были согнаны во временные концентрационные лагеря, а в городах - в гетто. До конца 1941 г. практически все евреи Бессарабии, не погибшие в ходе погромов, расстрелов, от голода, холода, болезней и истязаний, были депортированы за реку Днестр, в Транснистрию, вновь созданную провинцию под управлением румынской администрации со столицей в Одессе. В "маршах смерти" (пешие переходы из Бессарабии в Транснистрию) погибли очень многие - от болезней, голода и лишений. Большое число евреев во время депортации было убито местными жителями, которые выкупали их у конвоиров - выводили из колонны и тут же убивали (или просили конвоиров их застрелить) для того, чтобы снять с них понравившуюся одежду и обувь (более ценные вещи, как правило, доставались военным). Выкуп людей из конвоируемой колонны для убийства ради одежды - это, похоже, наш неповторимый бессарабский вклад в Холокост.

В лагерях Транснистрии выжили очень немногие.

В Северной Буковине массовые депортации евреев в Транснистрию также имели место, однако ситуация развивалась несколько иначе. По настоянию мэра г. Черновцы, Траяна Поповича, тысячи евреев были оставлены в Черновцах (частью и в других населенных пунктах провинции) для, как аргументировал мэр, обеспечения бесперебойного функционирования городского хозяйства и экономики провинции в целом. "Экономическая полезность" евреев спасла тысячи от депортации и от неминуемой смерти в лагерях Транснистрии.

Евреев других румынских провинций спасло изменение ситуации на восточном фронте. После Сталинградской битвы Антонеску отказался от плана "защитки территории" по всей Румынии.

"Перехват" еврейского имущества в Румынии (в том числе в Бессарабии и в Северной Буковине) шел по тем же схемам и сценариям, что и в других регионах Европы, оказавшихся под властью нацистских (своих либо чужих) режимов. Все начиналось с дискриминационного законодательства, выдавливания евреев из экономики, образования, торговли - изо всех публичных сфер жизни⁸. А заканчивалось массовым убийством, отрезанием пальцев с золотыми кольцами, вырыванием золотых зубов у еще не умерших от ран и убитых.

Забирали жизнь за одежду, за вещь. Евреи в Бессарабии стали в глазах своих "соседей" носителями вещей. Не людьми. И эта новая социальная "норма" была принята подавляющим большинством.

Молдавия - восточноевропейская страна, где о Холокосте, о роли Румынии, об участии в нем местного (в основном молдавского) населения предпочитают не говорить. Школьная учебная программа по преподаванию темы Холокоста в Бессарабии (несколько часов) либо игнорируется, либо профанируется. Системного научного

исследования темы нет, и государством такого рода исследования не стимулируются⁹. Нет и продуманной, целенаправленной государственной политики сохранения памяти жертв Холокоста.

26 июля 2016 г. парламент Республики Молдова принял Декларацию об одобрении итогового доклада Международной комиссии по изучению Холокоста под председательством Эли Визеля, а 22 мая 2017 г. - правительство утвердило план действий по превращению в жизнь упомянутой Декларации. Необходимо, однако, отметить, что эти два документа были приняты в результате сильного давления со стороны международного сообщества, что указывает на отсутствие у молдавского руководства политической воли к выработке и внедрению государственной политики по изучению Холокоста и сохранению памяти его жертв. Очевидно, изменения к лучшему в этом плане будут возможны только при сохранении упомянутого давления со стороны зарубежных партнеров нашей страны.

Официальный Кишинев проводит историческую политику, суть которой (но для Польши) лучше всех сформулировал известный историк Анджей Новак: "Либо Вестерплатте, либо Едвабне"¹⁰.

Другими словами, либо нация сохраняет память, гордится героическими моментами собственной истории, либо кается в собственном участии в Холокосте, признает свою ответственность за преступления, совершенные в прошлом. В молдавской версии это звучит так: "Либо Сибирь, либо Холокост", где под Сибирью подразумеваются репрессии советской власти против граждан СССР (СССР).

"И Сибирь, и Холокост" - такой подход пока не получается применить. Препятствуют этому и моменты, связанные с процессом формирования современной идентичности молдаван, в котором "румынизация" (в современной интерпретации) отведена особая роль.

Иногда встречаться с собственным прошлым страшно. Страшно брать на себя ответственность за то, что случилось когда-то с нацией, к которой ты принадлежишь. Но это неизбежно надо делать. "То, что важно для индивидов, важно и для сообществ. Подавленные воспоминания опасны, ибо, вырываясь на поверхность, они могут разрушить то, что является здоровым, обесценить то, что является благородным, профанировать то, что является великим. Нация, как и индивид, может найти много способов для встречи и знакомства с собственным прошлым. И ни одного для его игнорирования"¹¹.

¹ В Молдавии за восхваление лиц, участвовавших в Холокосте, не наказывают. В Румынии был принят специальный закон, предусматривающий уголовное наказание за восхваление и пропаганду нацизма и нацистов.

² Conducător (рус. - руководитель) - неофициальный титул маршала Антонеску, военного диктатора Румынии в период 1941-1944 гг.

³ Типичная ситуация "конкуренции жертв", когда жертвы одного тоталитарного режима противопоставляются жертвам другого, одни репрессии оправдываются (объясняются) другими и т.д.

⁴ До начала XIX в. Бессарабией называлась южная часть междуречья Прута и Днестра - Буджак, юг восточной части Молдавского княжества. После присоединения к Российской империи в 1812 г. восточная часть Молдавии получила название Бессарабская область, а с 1873 г. Бессарабская губерния. В межвоенный период, с 1918 по 1940 г. входила в состав Румынии. В настоящий момент территория Бессарабии входит в состав Украины и Молдавии.

⁵ Но, случалось, все шло и по другому сценарию. В селе Гирово, Каларашского района, жители, не дожидаясь прихода румынских войск, взяли под стражу односельчан-евреев и организовали их охрану "поулично" - в один день евреев охраняли жители одной улицы, на следующий - другой. Так в селах, как правило, организуется выпас коров. Жители организовали охрану евреев так, как им было сподручней. Никому из евреев не удалось убежать. По приходу румынских войск все евреи села Гирово были расстреляны. Некоторые местные жители участвовали в грабежах, изнасилованиях и расстрелах.

⁶ Всего в Молдавии, согласно сайту "Яд ва-Шем", 79 Праведников мира по 39 случаям спасения.

⁷ Не все в этом участвовали, но все об этом знали и не вмешивались.

⁸ В Румынии это имело свое название - "Румынизация еврейской собственности". "Румынизация" по Антонеску предусматривала очищение Румынии от представителей национальных меньшинств (в первую очередь евреев) и передачу "освобожденной" собственности в руки этнических румын.

⁹ Исключением являются цитируемые здесь книги Владимира Солоняра (2009) и Дианы Думитру (2016), которые были опубликованы в США и в Молдавии почти неизвестны. Другой работой является монография Paul A. Shapiro "Ghetoul din Chitinau - 1941-1942", изданная в Бухаресте в 2016 г., презентация которой состоялась в январе 2017 г. в Кишиневе. Другие исследования появляются благодаря энтузиазму представителей еврейских общин Молдавии и других стран, жителями которых являются выходцы из Бессарабии (Молдавии).

¹⁰ Вестерплатте - полуостров на польском побережье Балтийского моря под Гданьском, где в период с 1 по 7 сентября 1939 г. гарнизон польского Военно-транзитного склада героически удерживал оборону против немецких войск. Является символом героического сопротивления поляков нацистам.

¹¹ Из вступительного слова Эли Визеля, председателя Международной Комиссии по изучению Холокоста в Румынии, произнесенного на презентации окончательной версии доклада по Холокосту в Румынии.

МЕДВЕЖАТНИКИ И БУРАТИНО

Белла КЕРДМАН

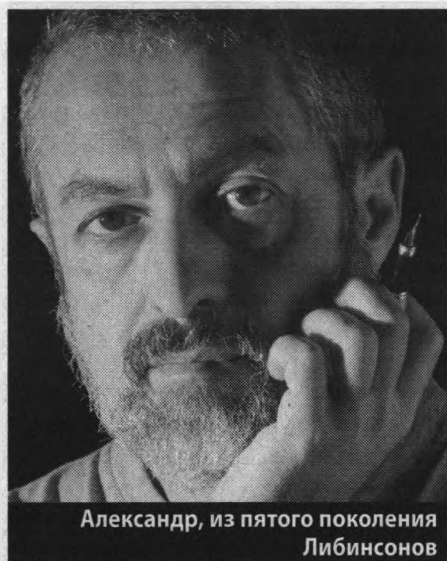
Наше знакомство началось более десяти лет назад с отклика на одну из моих газетных публикаций, который был прислан под псевдонимом. За тем текстом угадывался явный технарш из хайтека. Причем неплохо владеющий практикой трудоустройства в Израиле, так сказать, от обратного: ознакомившись с рынком труда, он осваивает дело, на которое есть спрос. При этом предпочитает занятость, пусть временную, пребыванию на "автале" в ожидании места, соответствующего его статусу кандидата наук. Носителем псевдонима оказался Александр Либинсон, родом из Москвы.

С тех пор мы с ним поддерживаем общение в интернете. Обмениваемся интересными пересылками, иногда я обращаюсь к нему за помощью в переводе с иврита или английского, а то и в какой-нибудь компьютерной заморочке. Он даже подсказал мне две три интересные темы для публикаций. Познакомились и вживе: Саша с женой Мариной (программистом, сумевшей реализовать в профессии) побывали у меня в гостях. Представлю визави его же словами из диалога в интернете.

А.Л. Родился в 57-м. Оба родителя - евреи. Иллюзий относительно социализма и коммунизма у меня не было с детства. Родители приучили обслуживать себя самостоятельно, что избавило от многих бытовых проблем в будущем. Последние три года десятилетки учился в известной московской физматшколе № 2. Начинать с крепких троек, окончил пятым по успеваемости среди 186 выпускников. Как нормальный еврейский мальчик, не был допущен в МГУ. Поступил в институт стали и сплавов, где помимо основной специальности приобрел немало других полезных знаний и навыков, от рациональной организации работы и умения экономить время до специальных познаний в психологии. Окончил вуз с красным дипломом, но к аспирантуре советовали не подступаться. Начал работать в отраслевом институте. Самостоятельно подготовил к защите диссертацию и в 1985 году получил кандидатский диплом. В 1990-м с женой и дочкой прибыли в Израиль и поселились в Холоне, где и живем до сих пор.

Б.К. Чем конкретно вы занимались первые годы в Израиле?

А.Л. Вот мои, наемного работника, занятия: сверхстабильные эталоны частоты; электрофотография (машины типа ксерокса); применение электронных микроскопов в проверке интегральных схем (физика и алгоритмы); оптические системы для быстрого чтения и записи CD и DVD дисков; оптические системы для проверки интегральных схем; алгоритмы помехоустойчивой связи;



Александр, из пятого поколения
Либинсонов

струйная печать для ковров и керамики; прибор для диагностики рака кишечника; сверхточные системы поддержания постоянной температуры. Еще я выполнял в различных областях разработки как консультант или в помощь хорошим знакомым. В частности, это были маскировка дефектов в алмазах, диагностика рака предстательной железы, контактные линзы для улучшения зрения при катаракте и пр. На общественных началах рецензировал статьи в двух английских научных журналах в течение 15 лет.

Б.К. То есть, за первых 16 олимпийских лет вы, Саша, поменяли десять рабочих мест! В стране нашего исхода получили бы клеймо "летуна". Там обычно, не вникая в причины частой перемены мест, такое поведение работника считали антиобщественным и осуждали. Советские кадровики к трудовой книжке "летуна" относились со стойким предубеждением. А здесь, оказывается, такая практика специалиста достойна уважения...

А.Л. Частая перемена рабочих мест была связана не столько с моим активным характером, сколько с внешней нестабильностью: далеко не все стартапы вырастали в полноценные компании, во время кризиса закрывались проекты и даже фирмы. Здесь, как и во всем свободном мире, опыт, наработанный за рамками обозначенной в дипломе профессии, за пределами одного рабочего места, имеет хорошую цену. И это естественно: такой работник многому уже научился. Есть два типа ученых - "медвежатники" и "буратино". Первые, найдя проблему, подходят к ней, как медвежатник к сейфу: вскрывают, используя все свои знания, умения и фантазию. Вторые, найдя "золотой ключик", носят с ним и суют во все попадающиеся замочные скважины.

Б.К. Вы, как я понимаю, "медвежатник".

А.Л. Правильно понимаете. Не представляю, как можно иначе, если хочешь адаптироваться к изменениям на работе и в жизни вообще. И хотя я уже более десяти лет тружусь на одном месте, стал "оседлым", стиль "медвежатника"

остается при мне: жизнь ведь то и дело ставит новые задачи! Во время очередной (ежегодной, это такая традиция) беседы с начальником, я услышал от него лестную оценку. Он считает, что я личным примером способствую формированию в коллективе понимания технологии, позволяющее решать проблемы не методом "тыка", а систематическими исследованиями; что мой стиль работы (планирование и постановка экспериментов, написание отчетов, регистрация и хранение образцов) стал негласным стандартом отдела. За текучкой я как-то об этом не думал, просто адаптировал то, чему научился в московском институте много лет назад, к местным условиям. Но, возможно, начальнику виднее: он к нам пришел из другой области, у него свежий глаз.

Б.К. Вспоминаю беседу с одним доктором технических наук (ВАКовским, кстати): он поразился, что в Израиле мало внимания уделяют технологии производства. Технологов почти не готовят и не на каждом предприятии держат - мол, дорого. На небольших здешних заводах, где порой выполняют даже заказы "оборонки", отсутствует документированный маршрут обработки детали - станочники решают это сами. По принципу "Ицик знает, ему папа показал, как надо". А ведь понятие технологии применимо к любой работе, тем более - к исследовательской. И попутно: такое направление, как "организация труда", достаточно ли развито в Израиле? Наконец, что такое "инженерный стиль"? - вы употребили это определение в одном из своих писем.

А.Л. Инженерный стиль в моем понимании - это использование количественных соотношений из точных наук (механика, оптика, гидродинамика) для решения практических задач. Опросом сотрудников, учившихся на вторую и третью степени в Израиле, я выяснил, что организацию личного труда инженера или исследователя здесь не преподают. Наиболее близкое: написание статей (на английском), личный пример и объяснения руководителя коллектива или более опытных коллег. Организация труда - наверняка есть, как часть организации производства. Еще есть эргономика (освещение, столы-стулья, позы, кое-где - физкультура). А как стиль работы инженеров и исследователей - никогда не слышал, чтобы этому учили.

Я обсудил влияние репатриантов из России (приехавших за последние примерно 20-25 лет) на уровень израильского хай-тека со своим шефом. Мы пришли к выводу, что решающая роль принадлежит тем из них, кто приехал в возрасте 10-25 лет. Они закончили (или получили с самого начала) высшее образование здесь, не имели "неизраильского" опыта работы, а многие из них из семьи технарей. Такие ребята

создали на предприятиях некую критическую концентрацию технически образованных людей. Это позволяет развивать и реализовывать передовые идеи контролируемым образом, а не партизанским стилем.

Б.К. В моем архиве хранятся присланные вами несколько лет назад рекомендации для репатриантов, пытающихся решить проблему трудоустройства. Мне, приехавшей в Страну в пенсионном возрасте и, на удачу, почти сразу приступившей к реализации своей "второй древнейшей", вроде ваш инструктаж не требовался, однако прочитала с интересом. Прочитав (для читателей) хотя бы один из ваших советов оттуда.

"Для чего посылают резюме? Для того, чтобы получить приглашение на интервью. То есть вызвать к себе интерес и удостоиться встречи с потенциальным работодателем. Само по себе резюме не должно убеждать его, что вы - именно тот, кто ему нужен. Поэтому нет смысла делать его очень большим и подробным - достаточно одной страницы. Резюме должно быть адресным, то есть его необходимо составить в расчете на конкретное место работы и должность, как правило, описанные в объявлении "Требуется". Требования к конкретным навыкам и опыту почти всегда четко сформулированы в таких объявлениях. Ваше резюме должно создавать впечатление, что вы удовлетворяете этим требованиям. Для этого ключевые слова объявления должны присутствовать в вашем резюме. Желательно привлечь внимание к этим словам, для чего их можно выделить (цветом, жирным шрифтом, подчеркнуть). С другой стороны, нет шансов, что работник с самого начала будет знать все нюансы, так что умение учиться и разбираться в новом имеет общую ценность. Поэтому такую черту вашей личности также необходимо отметить".

Что побудило вас, Саша, написать эту работу - вам кто-то ее заказывал? Не знаете, она кому-то пригодилась, вы получили какие-то отклики?

А.Л. Назначение этих рекомендаций, как и некоторых других моих текстов - сэкономить время (в первую очередь - свое). Мне приходилось читать много плохих резюме и объяснять людям, как надо писать хорошие. В какой-то момент я записал рекомендации и посылал их таким "соискателям". Разумеется, с готовностью ответить на вопросы, которые могут появиться после их прочтения и обдумывания. Из нескольких десятков людей, которым я сам давал этот текст, примерно половина нашла его полезным. В какой-то момент я выложил рекомендации в интернет, их иногда копировали в другие сайты (без указания автора).

Б.К. Это, к сожалению, стиль интернета - без указания автора... Мы давно знакомы, Саша, по моим ощущениям вы - интеллигент не в первом поколении. Но я никогда не спрашивала, что вы знаете о предках, насколько глубоко



Шмера Либинсон, прапрадед Александра



Соломон Либинсон, его дед



Григорий Либинсон, отец



Клара Коган, мама

вникали в свою генеалогию.

А.Л. Старейший из известных мне Либинсонов-Шмера, мой прапрадед, жил в Витебске. К середине XIX века его состоятельное семейство занималось торговлей лесом и изготовлением мебели. Его сын, Лев Шмерович Либинсон, участвовал в семейном бизнесе. В 1900 году у него родился сын Соломон, получивший образование инженера-химика. Занимался исследованиями синтеза каучука и их практическим применением. Имел ученую степень доктора наук, работал главным инженером Главного управления каучуковой промышленности наркомата тяжелой промышленности СССР. В составе группы ученых и специалистов во главе с академиком Лебедевым принимал участие в переводе производства синтетического каучука на промышленную основу, за что был премирован. В августе 1937 года был арестован по обвинению в измене родине и спустя три месяца казнен. Он оставил двух детей: дочь Тамару (родилась в 1924 г.) и сына Григория, моего отца (родился в 1930 г.).

Тамара, старшая сестра папы, с детства хотела стать врачом, во время Второй мировой войны ушла на фронт медсестрой. После войны получила высшее медицинское образование. Работала педиатром, хирургом, была начальником отделения в больницах Астрахани и Гродно. В 1992 году приехала в Израиль с семьей младшего сына Соломона. А спустя пять лет скончалась. Как и его родители, Соломон выбрал медицину (его отец, Вилен Песчанский, начинал патологоанатомом, но потом больше занимался исследованиями, защитил кандидатскую, участвовал в работе центра знаменитого Илизарова). Соломон работал в ведущих исследовательских центрах, связанных с пересадкой почек. Он живет на севере Израиля и сочетает работу хирурга с текущим приемом пациентов больничных касс. Его дочь учится, специализируясь в социально-психологической области, сын недавно закончил армейскую службу.

Григорий Либинсон, мой

отец, окончил школу с медалью, а затем Химико-технологический институт. Несмотря на диплом с отличием, его не оставили в аспирантуре, а распределили на завод красителей. Отработав там положенный срок, все же поступил в аспирантуру - института антибиотиков. Там защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Занимался разработкой методов очистки и использования антибиотиков. С началом перестройки эти методы нашли применение и за рубежом, отец успешно адаптировал их на предприятиях Венгрии, Италии, Южной Кореи. В 1995 году он с женой приехал в Израиль, где уже несколько лет жил со своей семьей. К сожалению, состояние здоровья не позволяло ему активно работать, он был вынужден ограничиться частными уроками химии. В 2002 году отца не стало.

Арест родителей был трагическим событием в жизни моего отца. Его мать отбывала наказание в лагере и была освобождена по амнистии 1945 года. Она не могла вернуться в Москву (так называемая "сто первая" - по запретному расстоянию до столицы и крупных городов страны) и поселилась в Малоярославце, городке Калужской области, где было много таких же как она, "пораженных в правах". И потому с 6 до 16 лет папа рос вне нормальной семейной атмосферы (у родственников, в детском доме). Да и потом, когда учился в московском институте, а его мама была вынуждена жить вне Москвы, он продолжал вести самостоятельную жизнь. Поэтому у отца не было впитанных с детства в родительском доме стереотипов семейного поведения. Он старался применять привычный научно-инженерный подход к решению бытовых вопросов, в рутинной семейной жизни. Стремился понять, каковы истинные (первичные, глубинные) причины той или иной проблемы, при этом отделяя их от случайных факторов и эмоциональных наслоений, и выработать решение, которое будет применимо и в похожих ситуациях - так я воспринимал его стиль. И впитал его с детства.

На первый взгляд это может

показаться правильным способом решать житейские проблемы, но у него есть своя цена. Такой подход предполагает готовность партнера открыто обсудить почти любую ситуацию. Далеко не все этого хотят, а многие и не умеют, поэтому я не могу похвастать широким кругом друзей.

Важным источником опыта для моего отца служили книги. Когда мне было 13-14 лет, от начал обсуждать со мной прочитанное и аналоги тех или иных эпизодов литературного произведения в реальной жизни. Отсюда происходит мое "потребительское" отношение к литературе: я перенял попытки отца применить прочитанное к практическим ситуациям. Помню, большое впечатление произвела на меня книга Чарльза Сноу "Поиски". Вот что я понял: мы не всегда можем контролировать свои действия (в конфликтах); но когда мы остынем и станем обдумывать, что произошло, не следует приписывать себе только благородные побуждения, а противнику - низкие...

Приезжая к своей матери в Малоярославец, отец познакомился с другими жителями этого городка. Два таких знакомства сыграли большую роль в его судьбе. Во-первых, он познакомился с Кларой Коган, чьи родители осели там в конце гражданской войны, спасшись от погромов на Украине. Впоследствии они поженились. Так что без малоярославецких визитов папы я бы не появился на свет. Моя мама росла без отца, но ее бездетный дядя Арон Коган относился к ней как к собственной дочери. Это был замечательный человек. Понимая опасность сталинского режима, он ухитрялся помогать его жертвам, освободившимся из лагерей и осевшим в Малоярославце. Немало людей вернулось к нормальной жизни благодаря ему.

Во-вторых, среди бывших узников, с которыми общался там отец, было немало интеллигентов, оказавших на него влияние. В частности, он сдружился с литератором-родственником Мандельштама, разрешившим ему пользоваться своей библиотекой. Видимо, тогда отец начал писать стихи.

Б.К. У меня на стенке, среди картин, висят две фотографии, которые вы с Мариной подарили. Они на холсте, цветные и абстрактные. И те, кто впервые их видят, не верят, что это не живопись, даже ощупывают. Вы по-прежнему увлекаетесь фотографированием? Ходите в какой-то клуб, принимаете участие в выставках?

А.Л. Несколько лет мы активно участвовали в деятельности фотоклуба Холона. Случалось, наши работы проходили жюри Израильского общества фотографов и экспонировались на его тематических выставках. Потом клуб закрылся, но мы продолжаем фотографировать. На последнем этапе клуба мы с Мариной сделали проект (фотоальбом) "Уходящий Тель-Авив". Постарались запечатлеть старые дома, магазинчики, сохранившиеся в его центральной части с 20-40-х годов прошлого века, старожилов города. Сейчас многие из тех домов снесены, на месте стареньких магазинов новые бутики, кафе. Часть фотографий этого цикла использовали в своей статье в журнале "Мир путешествий".

Получаем большое удовлетворение, когда наши снимки вызывают эмоциональный отклик у людей. Бывает, сослуживцы уверены, что какой-то кадр сделан за границей, а на самом деле он снят в тель-авивском парке; случается, даже спрашивают в каком конкретно месте и как туда пройти-проехать. Были случаи, что сделанные нами снимки картин и ювелирных изделий помогали их авторам получить интересные коммерческие предложения.

Пару лет назад я провел курс фотографии для сослуживцев. В течение нескольких месяцев они приходили на службу на час раньше, и я рассказывал им теорию, а потом были практические занятия и "разбор полетов". Мне потребовалось организовать свои знания и опыт в связную последовательность вопросов ("Что снимаем и для чего") и ответов ("Как это сделать"), что самому было интересно.

...А Марина, не оставляя фотографию, осуществила свою давнюю мечту - занялась живописью.

Окончание. Начало на стр. 1

известной была иешива в местечке Воложин Виленской губернии. Ее основатель Хаим Соловейчик, ученик и последователь Гаона, отличался гораздо более мягкой и примирительной позицией по отношению к хасидам, чем его великий учитель. В лучшие времена существования иешивы в ней было до 400 учеников со всей России и даже из-за рубежа. Под влиянием просветительских идей часть из них оставила религиозный образ жизни. Это привело к различным последствиям. Из стен иешивы вышли составившие гордость еврейского народа писатели Менделе Мойхер-Сфорим, Ицхок-Лейбуш Перец, великий поэт Хаим Нахман Бялик, "отец" современного иврита Элиэзер Бен-Иегуда, и, к несчастью, такая одиозная личность, как руководитель Евсекции РКП(б) Шимон Диманштейн.

Вхождение Литвы в состав России совпало с возникновением движения еврейского Просвещения (Гаскалы) в соседней Германии. Географическая близость Европы, небольшое, но серьезное ядро хорошо владевших немецким языком, стремившихся к светским наукам и в то же время не порвавших полностью с традицией евреев, существование в Вильно еврейской печати, привели к тому, что именно здесь началась деятельность российских приверженцев Гаскалы (маскилим). Одним из первых являлся выдающийся талмудист рабби Менаше Элиер 1767-1831), чьи сочинения были сожжены по требованию литовских раввинов, как еретические. Рабби Менаше подвергал жесткой критике обычай изучать Тору, живя за счет общества, считал, что евреи должны заниматься не мелочной торговлей, а производительным трудом, и полагал, что научные знания не противостоят Торе. Другим крупным деятелем Гаскалы в Вильно являлся поэт и педагог Авраам Дов Лебензон (1794-1878), посвятивший всю свою жизнь распространению просветительских идей. Широко известность принесла ему книга стихов "Ширей сфат кодеш" ("Песни святого языка"). Выдающимся поэтом Гаскалы, первым крупным лирическим поэтом ашкеназского еврейства, стал его сын Миха Йосеф Лебензон (1828-1852). Личная трагедия М.-И. Лебензона - открывшаяся в раннем возрасте смертельная болезнь - наложила особый отпечаток на его романтическое творчество. Оно явилось новым словом в зарождающейся светской еврейской поэзии Восточной Европы, в которой впервые появились мотивы любовных переживаний:

*В тоскливый тот вечер
молчал я устало,
Но в гордости сердца,
в презренье жестоком,
Не зная пощады, в меня ты метала
Ножи своих слов и пронзала упрехом.*

*И это любви твоей чистые всходы?!
Такая любовь горше лютот печали!*

*Раздвинь же ночные угрюмые своды,
Открой мне очей твоих синие дали!*

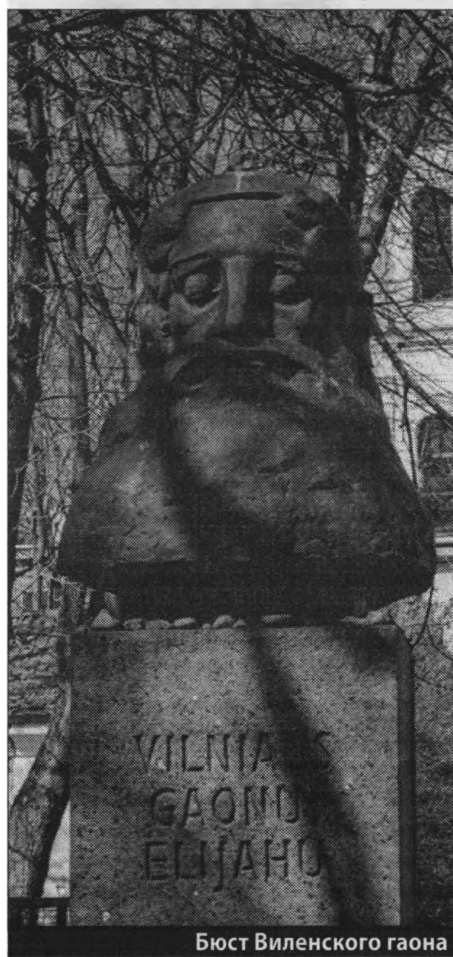
Из среды виленских маскилим вышел также родившийся в Вильно крупнейший поэт Гаскалы и один из наиболее активных поборников Просвещения Иегуда-Лейб Гордон (1830-1892). И ему не чужда была лирика, но, в духе Некрасова, он больше писал о нелегкой доле еврейской женщины. В звучных и сильных стихах, дополняя библейский иврит талмудической лексикой, он рисовал замечательный женский образ, отвечавший его поэтическому идеалу:

*Что свод полуночный, луной озаренный,
В сравнении с глаз твоих
сумраком звездным?
Что розы долин, ароматы Левоны -
С твоим ли сравнятся
дыханием росным?
Твой взор - первозданного света отрада,
А лик - отражение Божьего сада.*

*И пусть не бела, будто снег, твоя кожа,
И лоб не сияет небесной печатью,
Пускай ты румянцем с зарею не схожа,
И с ланью стремительной
видом и статью -
Под тяжестью будней
цветешь ты упрямо,
Не зная порока, не ведая срама.*

Но основным направлением общественной и творческой деятельности И.-Л. Гордона было распространение идей Гаскалы. Он критиковал традиционный, доведенный до автоматического исполнения обряд, книжную пыль, покрывшую, по его выражению, еврейские кафтаны, и победу над невежеством видел, как и все маскилим, в стремлении к наукам и в светском образовании. Еврейский квартал Вильно был для него отрицательным примером косности и убожества по сравнению с широтой и блеском нееврейских просторов. И он, и другие виленские просветители считали, что сближение с европейской и русской культурой превратит евреев в полноценных и полноправных граждан, похоронит патриархальный уклад, и оставит иудаизм только в качестве культурного наследия.

Но старый литовский Иерусалим, как и все традиционное еврейское общество, не желал умирать, потому что несмотря на все свои изъяны, это был уникальный, живописный и удивительный мир. На плотно заселенных еврейскими, отведенных для них еще польскими королями улицах, проживали ремесленники, знавшие Талмуд, и набожные старики, философы, размышлявшие о смысле жизни, и находившиеся на содержании у общины, постоянно погруженные в Тору ученые-мудрецы. Здесь делали ключи и точили ножи, продавали дрова, живую и битую птицу и простую, но вкусную готовую еду. А на базарных улочках звучала пересыпанная своеобразным юмором и знаменитыми "проклятиями" народная речь - неиссякающий источник для собирателей еврейского фольклора.



Бюст Виленского гаона

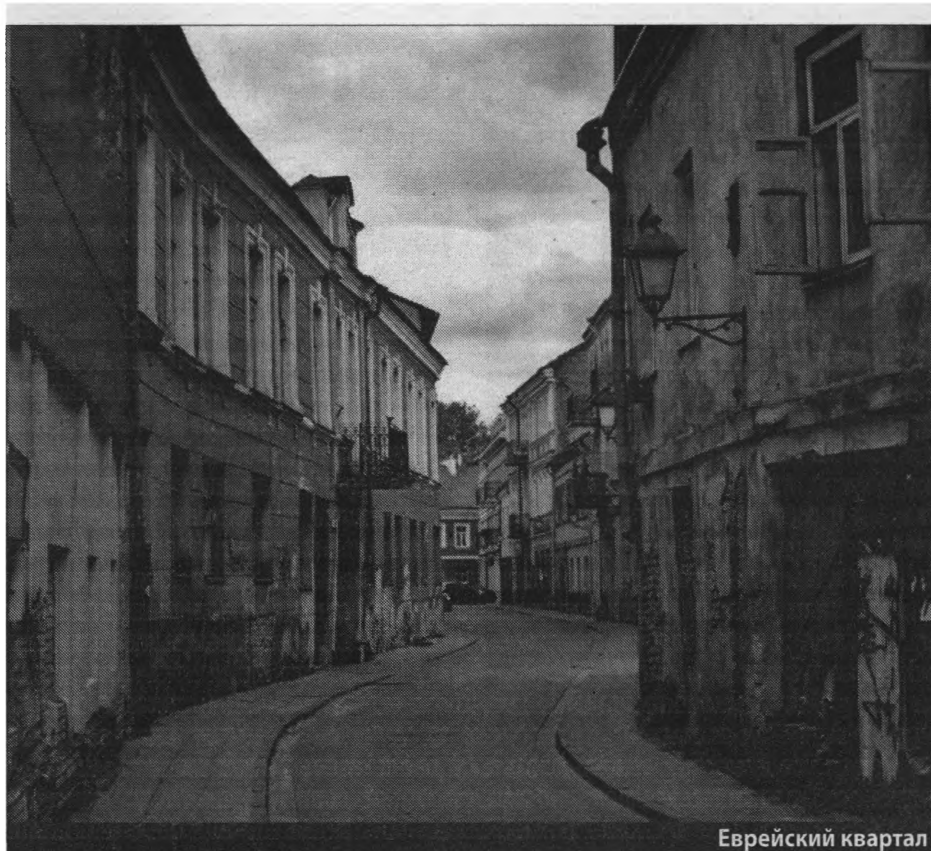
Этой, сложившейся в условиях диаспоры тяжелой, бедной, но естественной среде обитания, маскилим противопоставляли древнюю историю, идеализированные рассказы о независимом национальном существовании. Уже упоминавшийся Иегуда-Лейб Гордон написал две большие исторические поэмы: о борьбе с Римом и об испанском изгнании, а в 1853 г. в Вильно был издан роман жившего в Литве видного педагога и просветителя Авраама Мапу "Любовь в Сионе" - первый роман на иврите. Автор, написавший его, находился под сильным влиянием европейской приключенческой литературы, которой увлекался. Но современников очаровали идиллические картины Иудейского царства, красочные описания природы Страны Израиля, быт свободного народа, сеющего на своей земле и с песней снимающего урожай, слушающего речи пророков и, когда нужно, встающего на защиту страны. Эти картины входили в неразрешимый конфликт с униженной, полубесправной жизнью евреев в изгнании. Они, по замыслу Мапу, должны были возбудить в читателях тоску по счастливому прошлому и стремление к переменам. По существу, это был не только первый еврейский, но и первый палестинофильский роман. Традиционное еврейство должно было найти ответ на вызов приверженцев Гаскалы, и поскольку мистика хасидизма для этого мало годилась, ответ попыталось дать возникшее в Литве учение о духовном совершенствовании - "мусар".

Новое учение создал в середине XIX в. преподававший в виленской иешиве "Рамайлес" известный раввин Исроэл Липкин, более известный как Салантер (1810-1883). Он придавал этике Торы и заповеди любви к ближнему не

меньшее значение, чем соблюдению шабата и кашрута. "Все евреи ответственны друг за друга" - таков был девиз рава Салантера. Это означало, что помощь другому еврею является важнейшей из заповедей. Он толковал "мусар" (мораль, нравственность) как ежедневное познание самого себя и самоочищение. Без этого - учил рав Салантер - нет никакой ценности в сухом исполнении обряда и в лишенном эмоциональной окраски изучении Талмуда. Приверженцы рава Салантера считали, что желание делать добро должно стать второй натурой человека. Синагоги "мусарников" постоянно были открыты для всех, чтобы каждый еврей мог зайти туда и сосредоточиться для самоуглубления и покаяния. Отказавшись стать главой казенного, то есть государственного, раввинского училища в Вильно, рав Салантер уехал в Ковно (Каунас), куда переместился центр "мусара". Не в пример убежденным противникам изменений, рав Салантер считал, что ответ на вызов маскилим не должен быть однозначно отрицательным, что на призыв Гаскалы "познавай мир" нужно ответить не классическим призывом "познавай Тору", а более усовершенствованным: "познавай еврейство, познавай себя".

Другой знаменитый религиозный авторитет рав Исраэль Меир а-Коэн (1839-1933), известный под именем "Хафец Хаим" ("Жаждающий жизни" - так назывался его главный труд), основал иешиву в местечке Радунь Виленской губернии. Об этих краях писал в XIX в. русский путешественник: "Эта земля без евреев была бы как тело без души, была бы пустыней, страной бедствий и нищеты". Ученик и последователь рава Салантера, Хафец Хаим по примеру учителя всеми силами старался применить к себе то, чему он учил других. Вся жизнь этого мудреца была воплощением идей "мусара", самоабвенным трудом во имя морального совершенствования евреев. И подобно раву Салантеру, Хафец Хаим не боялся брать на себя ответственность. В более поздние времена, ради спасения от большевиков, он разрешил своим ученикам связанный с риском для жизни переход границы в субботу. Один из его учеников, великий "литовский" раввин Эльханан Вассерман, духовный лидер евреев Польши и Литвы и активный противник сионизма, погиб в первые дни нацистской оккупации вместе с группой других раввинов от рук литовских коллаборационистов. Он тоже брал на себя ответственность, убеждая евреев не покидать места, где они издавна жили, и где погибли почти до единого. Более проникательными оказались руководители известной "литовской" иешивы в местечке Мир, которым удалось перед самой войной вывезти иешиву из Литвы.

У рава Салантера, Хафец Хаима и других знаменитых раввинов было немало последователей в Виленском крае, но те изменения, которые в эпоху Александра II потрясли традиционное



Еврейский квартал

еврейское общество, не миновали и Литвы. Гаскала посеяла семена светской еврейской культуры, и когда подошло время, они дали всходы. В казенных еврейских школах и в виленском раввинском училище (одном из двух в черте оседлости) преподавали деятели Гаскалы, и там же подрастала их смена. Уже в 40-х годах XIX в., с появлением журналов на иврите "Пиркей Цафон" и "Гакармель", Вильно стал центром еврейской журналистики, а знаменитая еврейская типография (во 2-ой половине XIX в. появились еще несколько) сделала город одним из главных мест, где издавалась еврейская литература.

Модное поветрие - желание стать частью большого нееврейского мира - привело в стан русской культуры таких выдающихся уроженцев литовского Иерусалима как скульптор М.Антокольский и великий певец русской природы художник И.Левитан. В патриархальной еврейской среде им пришлось бы похоронить свои таланты. И все же традиционная еврейская культура Литвы способствовала тому, что здесь преобладали не ассимиляционные, а национально-просветительские тенденции. Большинство литовских просветителей видели свою задачу не в том, чтобы сблизиться и даже слиться с нееврейской средой, а в переустройстве еврейского общественного уклада на фундаменте собственных национальных ценностей. Не рубить узлы еврейской традиции они хотели, а по-новому связать их нити в соответствии с требованиями эпохи. Здесь писали на иврите, который надевшие европейскую одежду бывшие ешиботники вынесли из иешив. Здесь был один из главных оплотов движения палестинофилов, из которого вырос российский сионизм, и одно из главных палестинофильских изданий - журнал "Гашахар" ("Рассвет") имел в Вильно наибольшее число подписчиков. Здесь сторонники социализма и "фолкизма" (народно-демократического направления в еврейском

просвещении, от слова "фолк" - народ) развивали культуру на идиш. В Вильно жил один из выдающихся российских палестинофилов - талантливый поэт и художник Мордехай Цви Мане (1859-1886), чья короткая жизнь была отмечена ярким всплеском таланта и любовью к Стране Израиля, в которой он видел свой идеал:

*На заре и я бы вышел
С пахарями в поле;
Затянул бы с ними песню,
Позабыл о боли.*

*Позабыл бы скорбь, увидев
Свет надежды милой,
И вернул бы ликование
И былую силу.*

*Чтоб тебя, земля святая,
Воспевать до гроба...
Так пускай же к возрожденью
Мы воспринем оба!³*

Но не только культурным центром был литовский Иерусалим: экономическое развитие России не обошло и его. Железная дорога из Европы в Петербург прошла через Вильно, стимулируя экономику всего края, что сказалось на росте еврейского населения. К концу XIX в. оно составляло не менее 40% всех жителей города, полностью оправдывая его неофициальное наименование. Рост экономики способствовал росту числа пролетариев и ремесленников, в том числе среди еврейского населения. На фоне общего развития революционных настроений появились еврейские социалистические партии: Бунд и "Поалей Цион" ("Рабочие Сиона"). Учредительный съезд Бунда (на идиш - "Союз"; полное наименование - "Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) состоялся в 1897 г. в Вильно. Это была социал-демократическая партия с национальным уклоном. Одним из главных ее принципов был "дойкайт"



Фрагмент памятника жертвам гетто

(от слова "до" - здесь), воплотившийся в лозунге Бунда "Здесь, где мы живем - наша страна". В нем заключался воинствующий антисиионизм этой еврейской партии. Бунд поддерживал язык идиш и идишистскую культуру, его деятели были против ассимиляции, но у них было много иллюзий относительно самостоятельной и достойной роли евреев в грядущем социалистическом обществе страны проживания. В конце XIX в. в Вильно жили и работали многие поборники национально-культурной автономии, и среди них выдающийся еврейский историк Шимон Дубнов. Убежденный противник сионизма, он перед войной не воспользовался сертификатом, дававшим право поселиться в Стране Израиля, и погиб в Рижском гетто. О чем он думал в последние минуты, когда рядом с ним его братья и сестры, читатели его книг, падали под ударами латышских шуцманов на рижский снег, можно только догадываться.

Бунд выступал не только против сионистов, но и против вооруженной борьбы с самодержавием. В 1902 г. в ответ на экзекуцию, которой подверглись участники первомайской демонстрации в Вильно (большинство - евреи), активист Бунда Гирш Леккерт, вопреки партийной позиции, стрелял в виленского генерал-губернатора, и был повешен. Этот поступок имел огромный резонанс в революционной еврейской (и не только) среде, и в первые годы советской власти имя Гирша Леккерта еще присутствовало в каноническом списке героев революции, несмотря на то, что он был бундовцем. С большевиками у национального Бунда были неважные отношения, так как сторонники Ленина признавали за евреями только одно право - право на ассимиляцию.

В начале XX в. в Вильно возникла одна из первых в России организаций Еврейской социал-демократической рабочей партии "Поалей Цион" ("Рабочие Сиона"). Несмотря на название и сионистскую программу, не все в этой партии были сионистами. У нее было определенное сходство с Бундом, и даже революционный гимн - песня "Ди швуде" ("Клятва") - у обеих партий был один и тот же. В "Поалей Цион" было много сторонников культурной автономии и еврейского территориального образования вне Палестины, и впоследствии эта партия пережила несколько расколов. В Литве, и особенно

в таком большом еврейском центре, как Вильно, где в начале XX в. проживало не менее 100 тыс. евреев, у Бунда и "Поалей Цион" существовала широкая база, и в критические дни первой русской революции это давало возможность противостоять погромам. Но в Литве погромная ситуация в те годы была не такой острой, как на Украине и в других районах черты оседлости, а отношения с нееврейским населением еще не находились на той стадии, когда последнее готово было проливать еврейскую кровь. Евреи поддерживали национальные устремления поляков и литовцев, и в ответ также могли удостоиться некоторого сочувствия. Но идилии не было, и в литовском Иерусалиме всегда были сильны позиции сионистов. Несколько крупных деятелей сионистского движения вышли из Литвы, и среди них преемник Теодора Герцля на посту лидера Всемирной сионистской организации Давид Вольфсон. В последнее десятилетие нахождения Литвы под властью России (1905-1915) Вильно продолжал оставаться, наряду с Одессой, Варшавой и Киевом, одним из крупнейших еврейских центров, городом еврейского образования, книгопечатания и культуры, где самым широким образом был представлен весь спектр национальной еврейской жизни. И она расцветала, насколько могла в тех стесненных условиях, как будто вилениские евреи чувствовали, что времени у них остается немного.

Первая мировая война и германская оккупация положили конец российскому господству в Литве, но Германия кайзера еще не была Германией Гитлера, и даже не слишком благоволившая к евреям независимая Польша, которой принадлежал в межвоенный период захваченный у Литвы Вильно, не угрожала ни физическому существованию еврейского населения, ни его культуре. Смерть большинству литовских евреев принесло нацистское вторжение и осуществленное гитлеровцами и местными националистами "окончательное решение". Катастрофа стала подлинным концом Литовского Иерусалима.

¹ М-И.Лебензон, "Печальная любовь" (здесь и далее перевод с иврита автора очерка)

² Й-Л.Гордон, "Хана"

³ М-Ц.Мане, "Мой идеал"

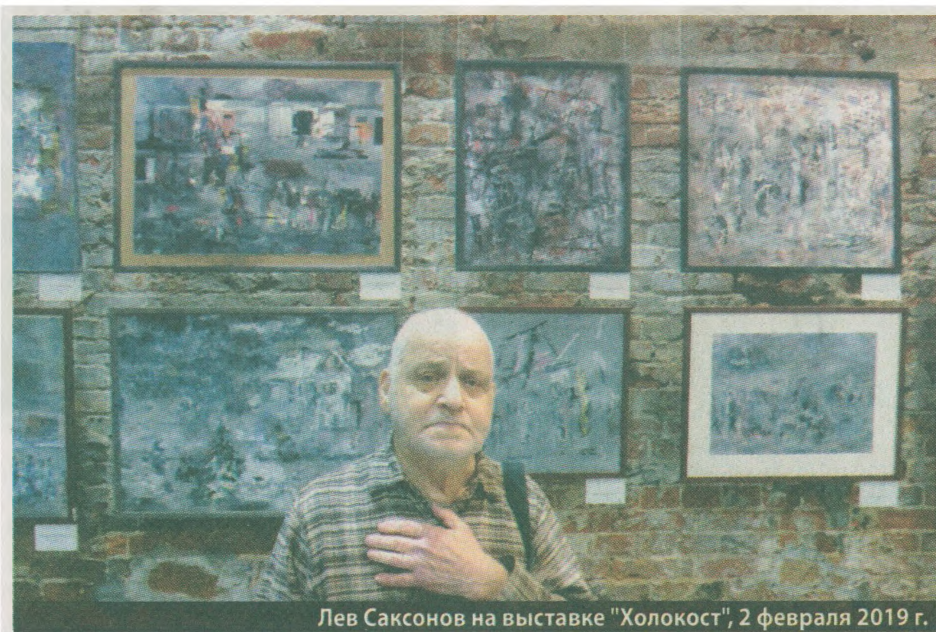
ЛЕВ САКСОНОВ И ЕГО ВЫСТАВКА "ХОЛОКОСТ"

Алек Д. ЭПШТЕЙН

Когда я недавно в очередной раз собирался в Москву, то Володя Новиков, с которым мы, увы, никогда не встречались, хотя, бывая в Париже, оба всегда навещали в их студиях и Оскара Яковлевича Рабина, и Владимира Борисовича Янкилевского, ушедших, увы, из жизни в прошлом году, обратил мое внимание на выставку, которая с 25 января по 17 февраля шла в Сахаровском центре. Для меня это место особое: Музей и общественный центр имени Сахарова находятся в Москве на улице Земляной вал, в советское время носившей имя Валерия Чкалова, как раз через реку Яузу от дома, где сам я вырос - и откуда мы в сентябре 1990 года уехали в Израиль. Скажи мне кто тогда, что буквально через дорогу от дома, где мы жили, будет открыта художественная выставка с названием "Холокост", я бы решил, что это розыгрыш. Но случилось именно так...

Все представленные на выставке работы создал один художник - Лев Григорьевич Саксонов. Он родился в 1929 году на берегу Волги, в находящемся между Саратовом и Волгоградом городе Камышин, куда его отец-агроном был направлен на работу. Вскоре, однако, вся семья вернулась в Воронеж, где и прошли детские годы будущего художника, а годы Великой Отечественной войны они с мамой Софьей Израилевной (отца, Гирша Марковича, к тому времени уже не было в живых) провели в эвакуации в населенной преимущественно татарами деревне Шарыпово в Башкирии. Рисовать он начал в одиннадцать лет и после того, как с золотой медалью окончил школу, в 1947 году поступил на художественное отделение Московского полиграфического института, где его основным преподавателем был ученик Петра Митурича художник и график Павел Григорьевич Захаров (1902-1983).

Институт Л.Г.Саксонов окончил в самое неподходящее для еврея время - в 1952 году, когда в учреждениях науки и культуры достигла апогея борьба с так называемым "безродным космополитизмом". Следствием этих трагических событий для Л.Г.Саксонова, бывшего одним из лучших студентов своей группы, получавшего, поэтому, жизненно необходимую семье повышенную стипендию, стало распределение на работу в только развивавшийся тогда город Улан-Удэ за более чем пять с половиной тысяч километров от Москвы, и даже заведовавший кафедрой известный художник-график Андрей Дмитриевич Гончаров (1903-1979) ничем не смог помочь ему. На протяжении трех лет Л.Г.Саксонов работал художником Бурят-Монгольского книжного издательства (напомним, что в 1923-1958гг.



в состав Российской Федерации входила и Бурят-Монгольская автономная республика, позднее переименованная), живя при этом практически в полной нищете. В 1955 году Лев Саксонов смог, наконец, вернуться в Подмоскovie. Позднее он много путешествовал, побывав в различных регионах Средней Азии, Поволжья и русского севера, но центр его жизни отныне находился в Москве.

На протяжении более чем тридцати лет, с 1958 по 1989 годы, он работал в объединении художников "Промграфика" Московского Союза художников. Оно было создано в 1954 году как структурное подразделение Комбината графических искусств Московского Союза художников и изначально называлась Мастерской прикладной графики. "Промграфика" стала одним из первых профессиональных объединений в России, занимающимся разработкой фирменного дизайнерского стиля. Ими были созданы эмблемы Большого театра и Музыкального театра им. К.С.Станиславского и В.И.Немировича-Данченко, Третьяковской галереи, кондитерской фабрики "Рот Фронт" и многих других организаций. При этом художники оставались художниками, в связи с чем "Промграфика" имеет и свой - впрочем, сравнительно небольшой - выставочный зал, расположенный в историческом доме артистов Художественного театра в тихом переулке в самом центре Москвы, который раньше назывался улицей Немировича-Данченко.

Одновременно с этим, в 1960-1980-е годы Лев Саксонов работал в Творческо-экспериментальной студии им. И.И.Нивинского. В наши дни художник Игнатий Игнатьевич Нивинский (1881-1933) известен почти исключительно как автор костюмов и декораций самой первой, давно уже легендарной, постановки спектакля "Принцесса Турандот" - последней работы режиссера Евгения Багратионовича Вахтангова, и поныне идущей на сцене театра, ныне носящего его имя. Однако интересы И.И.Нивинского были значительно

более широкими. Начиная с 1912 года, в своем доме на Второй Мещанской улице он стал серьезно и упорно заниматься мало распространенной в то время в Москве эстампной техникой - офортом. Он доказывал - и демонстрировал своим творчеством - что офорт представляет собой не какое-то побочное занятие для художника, некий способ перевода в иной формат, доступный для массового воспроизведения, собственных рисунков или живописи, а вполне самостоятельный пластический мир, где художник может создать совершенные и созвучные собственному миру образы. Отсюда и возникла полноценная по тем временам методика обучения, которую он внедрял у себя в мастерской, а затем и во ВХУТЕМАСе / ВХУТЕИНе (Высший художественно-технический институт был создан в 1920 году и расформирован в 1930 году). В октябре 1934 года, через год после кончины И.И.Нивинского, в его доме была основана мастерская, где могли работать все московские художники-офортисты; решением Президиума правления МОСХа, этой студии было присвоено имя И.И.Нивинского. Выполняя завещание мастера, его вдова, Эмилия Вацлавовна Нивинская, передала Союзу художников библиотеку, коллекции и работы мужа, а также все оборудование студии, руководство которой она взяла на себя.

Эмилия Вацлавовна умерла в 1955 году, и студию возглавил Евгений Сергеевич Тейс (1900-1981), с чьим именем связан новый период ее деятельности, продолжавшийся более четверти века, до самой его кончины. Именно в те - и последующие - годы в студии, наряду с другими московскими художниками, увлеченными печатной графикой, работал и Л.Г.Саксонов, в 1972 году принятый в число членов Союза художников. На протяжении многих лет он создавал иллюстрации к литературным произведениям, многие из которых были опубликованы в книгах, выпущенных издательством "Советский писатель". Среди них: иллюстрации к рассказам А.П.Чехова

"Нахлебники" (1981; эти работы сам Саксонов считает своими наиболее удачными) и "Скрипка Ротшильда" (1992), к повести Шолом-Алейхема "Заклдованный портной" (1993) и другие. Забегая вперед, укажем, что в 2010 году Государственный Литературный музей в Москве провел выставку созданных Л.Г.Саксоновым книжных иллюстраций, озаглавленную "От Данте до Платонова". Представленные работы охватывали почти тридцатилетний период творчества художника и включали в себя иллюстрации к "Божественной комедии" Данте Алигьери, "Котловану" А.П.Платонова, поэме А.А.Блока "Двенадцать", рассказам А.П.Чехова...

Книжная графика Льва Саксонова - это не прямое, буквальное иллюстрирование. За брошенным на лист цветovým пятном, за связью штрихов открывается глубокое, полное смятения пространство, трагическое одиночество старых зданий, зверей или драматические судьбы гонимых по свету людей. "Его графическое искусство, - отмечал президент Академии художественной критики видный российский искусствовед Анатолий Кантор, - обладает своей сложной и даже обманчивой на первый взгляд структурой. За первым впечатлением от намеков на здания, железнодорожные постройки, стога или на фрагменты человеческого муравейника внимательное, пристальное знакомство обнаруживает сложную, мучительную работу художника над каждым листом, над линией и цветом, над привычными, но всегда трудными приемами офорта, мягкого лака или над техникой гуаши, которая может быть и сразу покоряющей глаз, и нелегкой, неподатливой для требовательного художника..."

В Студии им. Нивинского сохранялись не только традиции высочайшей художественной культуры, но и высокой техники исполнения и печати, присущей московской школе. В студии, помимо монографической коллекции самого И.И.Нивинского, а также его архива и библиотеки, хранилось более трех тысяч оттисков произведений выдающихся российских художников-графиков. На базе этой студии в 1992 году было создано объединение "Московский эстамп". В начале 2000-х годов за здание студии на Второй Мещанской (ныне - улица Гиляровского, 38) началась судебная тяжба между Московским союзом художников и некоей частной компанией, в итоге сумевшей завладеть помещением. Художникам объединения "Московский эстамп" пришлось расстаться со своим историческим зданием и переехать в мастерскую в доме по улице Вавилова, 65; впрочем, когда дело дошло до этой развязки, Л.Г.Саксонов там уже не работал.

В начале 1990-х, когда атмосфера в стране изменилась, и монополия Союза художников отошла в прошлое, не нужно было больше клясться и в



Л.Г.Саксонов. Из серии "Холокост", 1994



Л.Г.Саксонов. Из серии "Холокост", Автопортрет, 1994

верности методу социалистического реализма. Как результат, возник целый ряд новых творческих объединений, одно из которых получило название "Куст". Участники группы напоминали, что куст - это символ живых, растущих из одного корня веток, куст - это группа профессионалов, объединяющих свои усилия, куст - это образ. Кроме самого Льва Саксонова, в эту группу вошли художники Борис Бомштейн, Феликс Бух, Евгений Гинзбург, Любовь Жуховичер, Анна Замула, Кирилл Мамонов, Елена Мунц, Татьяна Петрова, Евгений Ревяков, Юрий Рыжик, Лев Табенкин и Инна Энтина. "В наше время, когда все читали про "смерть автора" и слышали про "смерть картины", сама вера в то, что в картинной форме отражается индивидуальная картина мира - роман- тична. Романтичны расчет на "прямую речь" и установка на мастерство, как на ценность недевальвированную и едва ли не сакрализованную - как раз в силу ее повсеместной не востребованности", - писала в 1994 году о группе "Куст" видный художественный критик Галина Ельшевская. В выставках этой группы художников, состав которой с годами менялся, Л.Г.Саксонов участвовал более двадцати лет. Льва Саксонова всегда интересовали темы смутного времени в истории человечества, перелома в судьбе страны, трагедии в жизни отдельного человека. В работах художника ощущается важнейший для него мотив сострадания, доброты, жалости к живому существу.

В 1995 году Лев Григорьевич впервые побывал за границей - в Англии, спустя четыре года, в год своего семидесятилетия, - в Израиле. После этого Л.Г.Саксонов принял участие в групповой выставке "Израиль глазами российских художников", прошедшей в Москве в Центральном доме художника. В 2008 году четыре работы

Л.Г.Саксонова экспонировались на выставке "Средняя Азия - Москва - Иерусалим в творчестве еврейских художников" в Государственном музее Востока в Москве.

Персональные выставки Льва Саксонова проходили в Центральном доме художника (несколько раз, в том числе к 80-летию художника; та экспозиция мудро называлась "Человек - мера всех вещей"), в выставочном зале Московского союза художников на Кузнецком мосту, в галереях "Открытый клуб", "Коллекция" и "Меридиан", в зале журнала "Наше наследие", в выставочном зале Государственного музея А.С.Пушкина, а в 2015 году - в Еврейском культурном центре на Большой Никитской. В 2017 году на отдельной выставке в формате "книга художника" были представлены его иллюстрации к Книге пророка Ионы. Выставки эти замечались специалистами; так, искусствовед Вера Исааковна Чайковская, хорошо знакомая многим как автор вышедшей в серии ЖЗЛ книги

об Александре Тышлере, писала о Льве Саксонове: "Художник-волшебник красочных превращений, наслонений живописных мазков, колдовских колористических сочетаний, сквозь которые что-то видится или угадывается. Какие-то вспышки памяти, ассоциации, пласты прошлого. Недаром он так любит "алхимическую" смешанную технику!".

Над художественным осмыслением темы Холокоста Лев Саксонов работает уже более тридцати лет, с конца 1980-х годов, а думать об этом начал еще раньше. В автобиографическом очерке Лев Саксонов описал это так: "Когда-то я проходил мимо Манежа и увидел афишу выставки "Польское изобразительное искусство". Скучая, прошел по залам. В самом конце была небольшая выставка фотографий. Одна из них потрясла меня. Фото 1943 или 1944 года: еврейские детишки от пяти и примерно до четырнадцати лет смотрели на меня из-за колючей проволоки. Кто - с мольбой, кто - с ужасом и отчаянием. Одна девочка - гордо. Сколько им осталось жить до

газовой камеры - может быть, несколько дней, может быть, час? В 1943 году мне было столько же лет, сколько им. Их давно нет, а я - чем их лучше? - живу. Они смотрели на меня: помоги!

Я знал, что немцы уничтожили шесть миллионов европейских евреев - целый народ со своей многовековой культурой, народ, так много сделавший для культуры и цивилизации Европы. Я знал, что тридцать тысяч еврейских детишек Варшавы, в том числе детей из дома сирот Януша Корчака, полиция по приказу немцев отправили в газовые камеры. Это непреходящая боль, но "абстрактная". Когда погибает человек, которого ты знал, ты переживаешь больше, чем за 25 тысяч погибших где-то от землетрясения или еще от чего-то. Так устроены люди. Но здесь на меня смотрели совершенно конкретные дети, смотрели из прошлого, но смотрели сейчас и продолжают смотреть.

И вечно меня будут жечь слова еврейской девочки из Варшавского гетто. Ее спросили: "Кем ты хочешь быть?" - "Собакой!" - "Но почему?" - "Немцы собак не убивают".

Много лет спустя Лев Саксонов написал картину "Фотография - 1943", открывшую в 1993 году серию "Холокост"; в 1996-м - "Варшавское гетто", еще раньше, в 1989 году - автопортрет с "подзаголовком" "Не везите детей в Освенцим". В серию "Холокост" входят работы "Расстрел", "Мишени", "Дом сирот Януша Корчака в Варшаве", "Реквием", "Формула фашизма", целый ряд пронзительных работ без названия и, наконец, в значительной мере "завершающее" полотно - "Помните нас, иначе это может повториться"...

Выставка, прошедшая в Сахаровском центре в январе - феврале этого года, позволила увидеть эти - и новые произведения художника, раскрывающие грани этой трагической темы, как, в частности, картины "Кусочек неба" и "Дом в Варшавском гетто", графические работы "Корчак с детьми перед отправкой в Освенцим" и "Новый год в Варшавском гетто"... Экспозиция, с удивительной чуткостью сформированная куратором Верой Калмыковой, известным поэтом, литературным и художественным критиком, представила более и менее известные работы художника, как и те, что экспонировались впервые, в атмосфере, которая усиливала их визуальный эффект. Как отметила сама Вера Владимировна, "старый ободранный кирпич на стенах стал выразительным фоном для экспрессивных, трагических работ"; и действительно, ощущение того, что ты присутствуешь непосредственно в одном из домов, где разворачивалась беспримерная трагедия Холокоста, не покидало зрителей на всем протяжении пребывания на выставке.

Очень хотелось бы, чтобы эти - и другие - работы Льва Саксонова увидели зрители и в Израиле. Встреча с искусством этого большого еврейского художника несомненно обогатит и духовную жизнь еврейского государства.



Л.Г.Саксонов. Из серии "Холокост", 2013

Шуламит ШАЛИТ

Тайна рождения в человеке поэта - вечная тайна. Но и не бóльшая, чем тайна самого рождения человека.

Где поэт родился?

Какое имя получил при рождении?

Какое выбрал он сам и почему?

Что формировало его характер, отношение к миру вокруг?

В Краткой еврейской энциклопедии (1 том, 1976) поэта Исаака Борисова нет. И если бы вдова поэта Миля (Михаэла) Самойловна Галкина в третью или четвертую нашу встречу не сказала мне, что фамилия ее мужа была Борухович и что родился он в белорусском городе Рогачёве (точнее, в местечке Городец Рогачёвского района), то мы бы с ней до появления интернета могли и не узнать, что составители энциклопедии не забыли поэта, но сочли более справедливым ввести его, как еврейского поэта, в нашу национальную историю под его настоящим именем Иче Борухович.

Родился он в 1923 году, стихи начал писать на идише в 13 лет, но его много и охотно переводили на русский язык.

В 1940 году сразу после окончания учительского института в Рогачеве был принят школьным учителем в местечке Стрешин, а во время Второй мировой войны служил начальником личной радиостанции известного советского военачальника генерала Н. Ватутина.

Читая исключительно по-русски, мы знали поэта Исаака Борисова, но никогда и нигде не встречали его настоящего имени. Какой у него был выбор? Писать на идиш, значит, быть доступным лишь сотням читателей, стать известным поэтом на русском, в переводах, даже самых лучших, - значит, никогда не быть услышанным точно, не прочувствованным как ожог, как озноб... Вот так, в параллельных мирах, он и прожил свою жизнь: не давая себе права рыдать по убитым, писать на одном языке, а стать известным - на другом... К слову, он прекрасно знал и русский язык. Его блистательная публицистика, его очерки о спорте читались как поэтическая проза. Так изредка пишут только о шахматах, он же писал о тяжелой атлетике...

Будучи уже зрелым поэтом, он возвращался памятью в детство: "Как встарь, шепни мне имя Иче, / В трёх кратких звуках ощутив, / Как реет жаворонок, клича / Подругу над разливом нив. / В тех звуках жизнь моя вместила, / Весь долгий путь..."

По времени путь оказался недолгим, но вместил жизнь сложную, поэзию сердца неравнодушного, чуткого... Он преодолевал страдания наедине с самим собой, неистребимо любя все живое, удивляясь самому факту существования жизни, как тот, "кто знает цену каждой капли крови / и мощь, сокрытую в одной слезе" (пер. Б. Слуцкого). И через двадцать лет после окончания войны он с трудом верил в чудо, что остался живым на той войне...

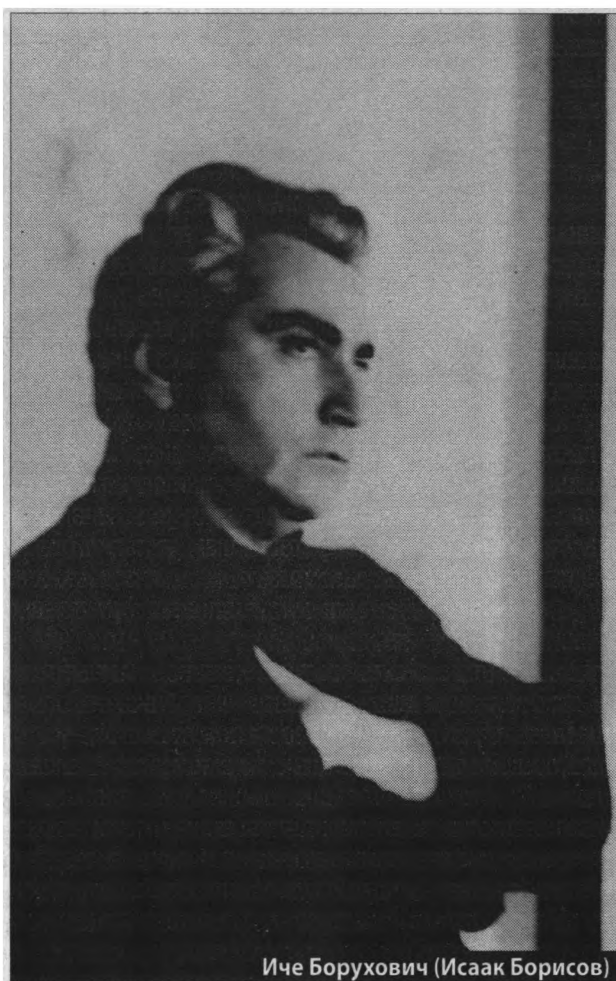
Он остался жив, но семья, вся целиком, погибла. Не случайно, наверное, почти нет фотографий, где бы Борисов улыбался. Всегда строгий взгляд больших и печальных глаз.

Только в бесконечном труде, иногда как будто подневольном, старался забыться. Замечая в его глазах глубокую печаль, Миля терялась в догадках: тосковал ночью о доме или не дается работа?... Трудился он сутки напролет. Днем - редакторская или общественная работа, никогда не отказывал в помощи людям, если в состоянии был помочь. А ночи были для раздумий, для души, для стихов... Впрочем, Миля не могла с уверенностью сказать, над собственным ли словом, над своими ли рукописями корпел ночами, или читал и вычитывал чужое, но часто работал до утра, до полного изнеможения.

На фронте, в 1944 году, он писал: "Солнце люблю не за то, что жаром / Меня обдаёт среди голых полей, / А за то, что сейчас на крылечке старом / Согревает колени мамы моей".

ШЕПНИ МНЕ ИМЯ "ИЧЕ"...

О поэте Исааке Борисове (Иче Борухович, 1923-1972)



Иче Борухович (Исаак Борисов)

Ни мамы, ни того крылечка.

Почти мальчиком уйдя из дома на страшную войну, вернувшись, не нашел ни отца, ни любимой сестры, ни мамы, которая "вставала пред глазами и тотчас таяла во сне", ни дома - одно пепелище...

"Солдат и сирота бездомный", он хотел "плакать в голос", но мог разве что зайти к соседям, живым: "... чьи-то двери распахнуть, / Увидеть женщину чужую, / Обняв ее, как мать родную, / сказать: "Благословенна будь!". А пепелище другого рода, чуть позже - расстрелянная, родная с детства, литература на идише: "Так сердцу ль выдержать по силам / Прихлынувшую кровь? Ему - / Иль разгонять ее по жилам, / Иль разорваться самому" (пер. И. Гуревича).

Ушел Иче Борухович на войну, когда ему было 18 лет, прошел ее всю, от начала и до конца - редкое счастье, вернулся в 23 года, живым, молодым, но до предела навидавшимся боли и смерти. Может, и поэтому так сильно дорожил каждым миготом тишины, молча радовался каждой зеленой травинке, каждой капле росы.

Он посвятил той проклятой войне немало стихов, пока не остановил себя: "Что блуждать в былом... открой объятья завтрашнему дню..."

В Рогачёве несколькими десятилетиями раньше в хасидской семье родился и Самуил (Шмуэль) Галкин, поэт и драматург, писавший на идише. Он был уже известным еврейским поэтом, когда соседский мальчик Иче Борухович только начинал читать по складам. И тот и этот росли в религиозной атмосфере. Отец Иче был раввин. Но как только мальчишка узнавал, что к соседям Галкиным снова приехал на лето их знаменитый сын, боготворимый начинающим поэтом, немедленно удирал из дому и с тетрадкой в руках являлся к Шмуэлю Галкину. Застенчивый по натуре, робая и ликуя от самой возможности видеть и общаться с человеком понимающим, не вышучивавшим его страсть к сочинению стихов, он читал и читал без

конца, как будто целый год готовился к этому мигу. Потом они беседовали. И не только подружились, но и породнились.

В один из приездов Галкина 13-летний Иче познакомился с Милей, дочерью поэта, и влюбился в нее бесповоротно. Она была старше на три года, так что поженились молодые люди только через десять лет, уже после войны. В 1949 году, когда поэта Галкина, отца Мили, арестовали по делу Еврейского антифашистского комитета и сослали в инвалидный лагерь прямо из тюремной больницы, после инфаркта, на руках у Иче Боруховича, зятя, осталась и вся семья тестя. Печататься стало невозможным, и вот тогда, в начале 1950-х, издавший к тому времени несколько сборников стихов на идише, поэт занялся спортивной публицистикой, издал несколько сборников на спортивную тему...

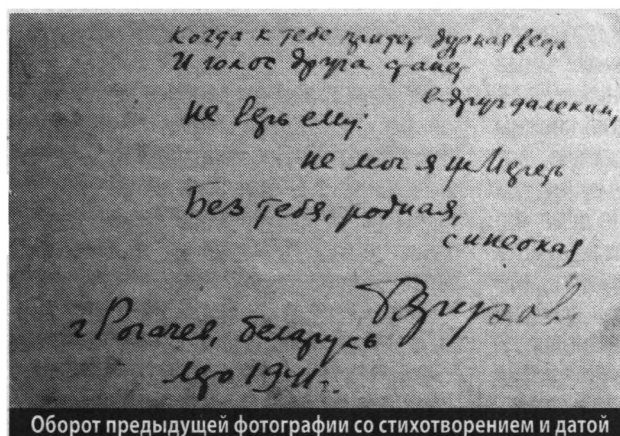
"Еще не будучи знаком с ним, - писал поэт и переводчик Константин Ваншенкин, - я читал его документальные книги о тяжелоатлетах и конькобежцах. Они были написаны хорошо, живо, со знанием дела... Он был человеком исключительной физической силы... И как многие очень сильные люди, был сдержан, скром, немногословен. Но главная его сила была в силе его характера, в силе его таланта. Многие его коллеги долго не знали, какой он поэт! Но потом узнали. Он начал выпускать книги - одну за другой, одну лучше другой... Его любили. Умер он, поразив многих, в одночасье, как тоже случается с очень сильными, никогда не болевшими людьми". Он оставил после себя много загадок. Ушел и недостаточно прочитанным и недопонятым, как личность... Удивляло, например, как Исаак Борисов, поэт всей своей сутью, всем строем души, несколько лет с успехом вел в Союзе писателей секцию прозы, когда даже по названиям его книг слышен голос поэта-лирика: "Добрый час", "Есть слова", "300 признаний в любви", "Эхо тишины", "Одна поздняя осень". Многие стихотворения из этих книг вошли в посмертный сборник "У костра лет" (1974). В своей последней "Поздней осени" он пишет: "Скажу одно: туманные намёки / Искать в моём стихе то там, то тут - / Уж вы поверьте мне! - напрасный труд. / Когда мне сладко - мёдом пахнут строки"... При том, сколько горечи и боли выпало на долю Иче Боруховича, впору было спросить: "А когда не сладко?". Ответ найдется, но в другой час и в другом месте: "Как юны были мы, как безмятежны!.. / Когда всех нас, не ведавших беды, / Беда из детства вырвала поспешно... / Цветочный мёд потёк струёй солёной"... Солёные слезы на людях скрывал, стремясь поверить, что его "дух спокойный избежал крушенья". Трибуном он не стал, но его доверительной интонации нужен был собеседник. А со слезами на губах не побеседуешь...

Мы уже говорили про "параллельные миры", в которых жил Борисов, да и многие из нас жили именно так: в двух реальностях одновременно. Пришел 1967 год. Миля вспоминала: "Он тогда был сотрудником журнала "Советиш геймланд" ("Советская родина"). Скрывал от сотрудников, что стремглав летит домой услышать новости из Израиля, где идет война. Он изменился: часами, и вечером и ночью, просиживал, прикованный к радиоприемнику во время Шестидневной войны в Израиле. Глушили одну радиостанцию, он переключался на другую".

Каждый ли советский еврей в те дни почувствовал, что решается не только судьба далекого Израиля, но и его собственная? Едва ли будет преувеличением сказать, что победа Израиля в той войне стала поворотным событием в еврейском самосознании. "Она распрямила наши спины, - сказала Миля (может,



Иче Борухович с сестрой Саррой



Оборот предыдущей фотографии со стихотворением и датой

процитировала Борисова?!), - но в Израиле не знали о нас почти ничего. Разве что о драматурге Шмуэле Галкине, ведь в Хайфе ставили его пьесу о Бар-Кохбе... Но ни поэта Исаака Борисова, ни Иче Боруховича Израиль не знал".

"Цветочный мёд потёк слезой солёной" - подобные строчки пробивались редко, как будто нечаянно. Даже если многим он казался мрачным, пишет, что "дышал оптимизмом". Как и положено поэту, и это правда, Борисов нежно любил природу, чувствовал ее, наблюдал и будто слышал, как растет трава: "Вглядись в травинку на пути, / Ты чуть не разминулся ныне / С извечным чудом во плоти".

Среди его переводчиков были отличные русские поэты Мария Петровых, Константин Ваншенкин, Олег Дмитриев, Владимир Соколов, Новелла Матвеева, но процентов на семьдесят пять его переводчики - евреи, впрочем, как и вообще лучшие тогда переводчики - Юлия Нейман, Ревич и Гуревич, Слуцкий и Мориц, Наум Гребнев и Давид Самойлов... Новое звучание приобретают его стихи, когда читаешь их сегодня:

О переводчики, родные братья!
В моих и ваших жилах кровь одна;
Порой в едином горестном объятье
С моею болью ваша сплетена.
Когда таится стих за зыбкой гранью
И белизна страницы режет глаз,
Я обретаю в вашем состраданье
Всё то,

что вечность потеряла в нас.

И горестное объятье, и кровь одна, и общее страдание, облегченное состраданием, и общая же судьба - щедро отдавать свой талант русской литературе, русской культуре. Чем дольше живёшь в свободном мире, тем более чудовищным кажется тот дикий произвол: отнять у целого народа, выжечь - в

нескольких поколениях его язык, его литературу, его многовековую культуру...

Известный исследователь литературы и критик Залман Либинзон, тогда уже доктор наук, зная язык оригинала и язык перевода, писал в "Литературном обозрении" в 1975 году, что в целом все переводчики умели передать своеобразие стихов поэта, но и сетует на "досадные упущения", когда меняется смысловая нагрузка, все сглажено, обезличено... Понимая печаль и поэта и критика, скажем: тем не менее поэта Борисова в Советском Союзе знали, и любили, и читали.

Актриса и мастер художественного чтения Дина Тумаркина рассказывала мне, что открыла для себя этого поэта случайно (как и я в свое время - Галкина!). Просто лежала на прилавке книга. Переводы с еврейского... Так ведь мы узнавали в 1960-х, что жив еще кто-то из писавших и пишущих на идише. Языка мы не знали, о поэтах не слыхали, ни в газетах, ни в журналах о еврейской литературе не было ни слова. Так ведь и нации такой не было (по Сталину)... Дина купила книгу и открыла не только для себя родного ей поэта, но и стала читать его стихи на творческих вечерах. Читала их и мне. Я же рассказала ей о его семье. Вдова Миля-Михаэла, скульптор, многие годы проработала в Галерее восковых фигур в центре Тель-Авива. Старшая дочь Тамара - художник (она оформляла и книги деда - Галкина, и три книги отца - Борисова), младшая, Лена, редактор и переводчик... "И жизнь люблю не за то, что славой / Воздаст мне, когда упаду в бою, / А за то, что ребенок ручонкой слабой / Обнимет однажды шею мою". Дожил, дождался и очень любил своих девочек.

На могиле Исаака Борисова стоит памятник работы Михаэлы Галкиной. На нем выбита строка из его стихотворения: "Не говорите о поэте: он умер. / Нет, он пал в бою". Вспомнился отец моей подруги, бывший



Внучка Марианна со своей дочуркой

во время Второй мировой войны артиллеристом 16-й Литовской дивизии. Он не раз повторял: "Кого война не убила на войне, добивает сейчас". И он прожил всего 50 лет...

Не буду спорить, что в творчестве Исаака Борисова заметно влияние классика еврейской литературы Давида Гофштейна. И тот, и другой очень сдержанно писали о страданиях и радости, о потерях и приобретениях, оба тонко чувствовали природу и все живое... Только мне кажется, что и дыхание Галкина слышится в стихах его ученика, дорогого зятя и преданного друга.

По воспоминаниям многих людей, Галкин писал трудно, у него скапливались груды черновиков, а Борисов записывал набело. Стоит в дружеской компании, но в стороне, серьезный, руки сложены на груди, и видно, что мысли уже далеко... Потом присядет к столу и запишет готовое стихотворение. Бывало, не доверял себе, возвращался к тому, что написало с налету. Случалось, и сам удивлялся - ни убавить, ни прибавить. И не правил. Умнейший Семен Липкин определил работу Борисова-поэта как постоянное, сосредоточенное, напряженное, упорное до упрямства стремление к идеалу: "До последнего дыхания / Не позабыть того, с чем врозь / Ты жил от самой ранней-рани, / Что грезилось и не сбылось..."

В этих словах горечь, но в них и та сила, которая превращает сердечное волнение одного в лирическое волнение всех, когда печаль поэта становится нашей печалью, его утраты - нашими утратами. Поэт имел право сказать: "То, что я кровью написал когда-то, / Чернилами не правил и поздней".

Младшей дочери Борисова, Лене, в 1972 году было 16 лет, когда умирая на ее руках, отец сказал: "Теперь вы можете ехать...". Через четыре года в сборнике "День поэзии" были впервые опубликованы ее собственные переводы стихов отца, поэта Исаака Борисова. Глаза Лены так же огромны и красивы, как у отца, но менее печальны, и я этому рада.

Его частичка - и в новом поколении. Внучка Марианна, дочь старшей дочери Тамары, почти сабра. Она в Израиле с пяти лет, деда не помнит, но гордится, что ей, двухгодовалой, он посвятил колыбельную, которая так и называется: "Колыбельная Марианне".

Слышишь, как растут упрямо
Шторма дальнего раскаты...
Где-то там, в тиши вигвама
Дремлет трубка Гайаваты.

Дремлет дым под пеплом тёмным,
Дремлет пепел в дымке синей,
Дремлют перья в крыльях тёплых,
Дремлет луч в ночной теснине.

Отыскать мечтает ветер
Тонкий луч, что тихо дремлет,
Чтобы им связать навеки
С горем радость, с небом землю.

Спи же, крошка Марианна,
Шторм сюда не долетает...
В двух огромных океанах -
В двух глазах твоих - светает.

Как хорошо звучат эти стихи на берегу Средиземного моря. Может, именно Марианна переведет их на свой родной язык - на иврит? В этой семье талант ведь передается по наследству. Вот и вернется все на круги свои...

Будет жизнь продолжаться, когда я умру, -
В мире станет, наверное, тише немного.
Я уйду, как уходит привычной дорогой,
Отсветив, отболев, отгорев на ветру.
Будет жизнь, как и встарь, от весны до весны.
("Нет у жизни конца. Есть у жизни - начало...")

КАК НАУЧИТЬСЯ БЛАГОДАРИТЬ

Любовь ВАЙНЕР

Был у меня в Москве очень близкий мне человек - Вайнер Любовь Михайловна, Люба. Все ее близкие уже ушли - отец был репрессирован и там погиб, мама умерла. Она осталась одна в этом мире. Сколько в ней было жизни, света! Она была талантлива во всем - прекрасно писала, прекрасно играла на пианино, все умела - таких называют "золотые руки". Такой был светлый лучик. Публикую здесь ее "Малявочки" - так она их называла. Их много. Я перечитываю их, выбирая для вот этой публикации, и так трудно выбрать. Хочется перепечатать все подряд. Может быть, через какое-то время так и сделаю.

Как научиться благодарить не только за счастливые миги, но за грусть, за утраты, за боль и болезни, за страх, покорность и понимание своей малости? Все - жизнь. Без нее не было бы ничего, пойми же это наконец.

В работе Абрама Терца через невнятицу слов - ибо чем тоньше мысль, тем невыразимее словами - нет-нет да и проявится до резкого ослепления: да Пушкин не... не НО... И это "но" так важно, как само отличие Пушкина от простых смертных. Речь идет о невыразимом - о качестве проникновения в бытие, - вдруг какие-то немасштабные силы нависают из стиха, как в "Щелкунчике" в финале - просто гамма вниз - и она же величайшая трагедия, и она же апофеоз счастья - и все это - миг, проблеск божества. Так вдруг и у Пушкина: среди набросков, отрывков, изящной легкости егозливых рифмованных па - вдруг силы небесные, и он их труба, их голос, их вестник. И в этом он настолько величье всех, в этом проблеске, что трепещешь и догадываешься об ином устройстве восприятия у гениев. Об иной их душе.

Наисовременный самолет в разных ракурсах похож на утку, на ромб, на щуку и на ощеренную руку пианиста.

У многих композиторов, особенно в вариациях, вода. Играющая и тихая, и в мелком искристом движении, и стремительная, все несущая в гибель, страшная - и опять лья-лю-ли-ла - нежно поющая, как птицы, как хоры птиц, как райские ветры. И опять - в лесу, родник, мелкий ручеек, движение, стремление, нет, этому не будет конца, и не оторвать глаз. И всегда в воде тайна. Она ворожит и в море и в стакане. Движение - пение-перемены-тайна - бесконечность.

В жаркий день на остановке. Там у нас уже год ремонт, ямы, рвы, трубы, траншеи. На краю глубокой и большой ямы появился черный лохматый пес - из тех, кого кличут Цыганом. Посмотрел, подумал и стал осторожно спускаться в эту яму, вертя для равновесия хвостом. Спустился. И исчез. Минут через десять я стала испытывать беспокойство - подошла к краю. Там уже



Иллюстративное фото. Илья Варламов. Симоновская набережная

стоял молодой парень, смотрел вниз и тихо сказал мне то, что я в тот же миг увидела: "Купается". В теплой зеленой воде на дне ямы пес - нет, не купался, не плавал, не барахтался - он принимал ванну. Лежал, разбросав лапы и выставив из воды улыбающуюся морду. Я ахнула и подивилась, но тоже негромко. Еще подошел кто-то, заглянул, заулыбался и - почти шепотом: "Глянь, купается, а?"

Почему-то это меня очень утешило и обнадежило. Есть еще, есть еще в этой земле нечто не зависящее от курса валют и наличия колбасы. Еще что-то очень главное.

Умей я, написала бы целый цикл женских лиц в сугубо женских ситуациях. Ну, например, лицо читающей девушки, читающей про любовь... Лицо матери, купающей самопоенного ребенка; лицо женщины, которая вяжет крючком, - вся в блаженстве тихого творчества, когда прямо из-под рук выходит то, чего еще не было на свете. Лицо женщины, которой сделали новую прическу, - она вглядывается в зеркало и не может решить, хорошо ли стало... Хищная самозабвенная зависть при виде чудесных малахитовых бус - но чужих, на чужой шее... Лицо женщины, которой муж только что сказал, что она ему противна, его трясет от отвращения, когда он с ней... Лицо бабушки, от которой внук требует мороженого... Лицо молодой злобной мегеры, спихнувшей из троллейбуса пьяного и потом все пинавшей его. Ох, что она при этом несла! Прямо видна была злобная пена, покрывшая ее душу.

Приходит такое время в жизни, когда любая беда и горе преобразуются в человеке, и он становится сильнее.

По скучному делу, предвидя неприятное, поехала сегодня. А Божий мир обступил меня всей мощью своей, всем величием. Светлые, антично-кудрявые облака, полные дождя и электричества; сильная молодая листва - совершенство и нежность; шелковый ветер и шелковое его шелестение в ветвях... Господи, а вчера с верхнего балкона - какие были сверкающие пряди дождя с запахом свежести... Как дивно устроен мир! Господи, как благодарить? Сложила руки и заплакала посреди улицы.

Жалко, мало остается мне. А в молодости - что-то не помню, чтобы ощущала это счастье - жить в Божьем мире. Нет, однажды было. В 46-м году. Ливень прошел, стало опять светло и жарко. И чисто-чисто вымытое деревянное крылечко, мимо которого я шла босиком, так нежилась в своей чистоте, так чудесно пахло свежим деревом... Тогда тоже так проняло, вот уже полвека помню. Но я не умела тогда благодарить. Как странно - я не думала о Боге! Совсем! Не знала, что можно думать о Нем. Так ведь тоже можно понимать, что не зря жизнь прожита, - теперь все мне полно мыслями о Боге, и жизнь полна. В одиночестве, старости и неудачах - полна так, что не выговорить, не написать - только сложить руки и благодарить за каждый миг.

Вот уже два года я его не вижу в троллейбусах. Видно, он уже Там. Нельзя было не подивиться телесной и человеческой красоте этого старика. Он был очень высокий и прямой. с прекрасной небольшой головой - как хороши были на ней негустые, чисто седые кудри! Как непонятно очарователен был взгляд выпуклых бледно-голубых глаз. Благосклонно-рассеянный взгляд. Так античны были все соотношения лица и тела. Он был вельможен. Царские породы. Не старость, а полусказочная старина была в нем. Он держался совсем просто - и все же не было человека, который не подивился бы этому совершенному Божьему творению.

Чистые ситцевые рубашки на нем были скромных тонов: серенькая, зеленоватая... Но одна была красная. Как память Юности (белый картуз, верховой конь, проселок, простор...). И сам цвет красный был немного бледноват, как бы разбавлен туманом. Он был... Он был поэзия, вот что! Он возвращал к чувству, что человек драгоценен... Как бы хотелось его еще увидеть... Ну, уж если он Там, пусть путь его будет легок.

Если бы миллионы - жила бы для себя и для друзей. Если бы миллиарды - поставила бы на ноги всю материальную часть музыки в России - с лабораториями, институтами, заповедниками резонансной ели, мастерскими струнных, городками музыкальных праздников, типографией нот на вечных материалах, студиями

записи, школами, мастер-классами, стипендиями, премиями... Нет, так не хватит и миллиардов.

Если бы три желания - ни болезней, ни войн на Земле. И чтобы мои рассказы когда-нибудь напечатали.

Если бы волшебную силу - лишила бы всех матершинников мира возможности говорить. А пули убийц обращала бы вспять, в них самих.

Бывает гром яростный, очень быстрый, раздирающе-оглушительный треск. Гнев Божий. Мир рушится. Страшно.

А бывает - медленно и долго распространяется могучий звук, перекаты, какие-то ступени, стадии... Громадно, величественно, неохватимо умом. Ни с чем не сопоставимо. Божественные масштабы. Возвышает душу.

Дождь бывает вялый, ленивый, а то примется на сутки, привычно работающий, старательный. А бывает - словно выстреленный. Он не льется, а вливается в землю, как хищник. Или как стрела из лука.

Мы перестаем понимать друг друга. Я говорю: "Макароны", меня поправляют: "Это спагетти". Спрашиваю: "Это машинка-беловейка?" Напряженно смотрит, не понимает. Меняю вопрос: "Только тонкие ткани берет?" - "Средние", - отвечает облегченно.

Прошу синюю тесьму - дают, но называют ее "цвет баклажана". А я не понимаю, почему тысяча - это "кусоч", а "капуста" - доллары, и что такое "черный нал", и почему штаны - "бананы".

Мы говорим на одном языке, но иные слова молодому поколению уже чужды. А я осталась там, со старыми словами.

Радио играло "Барыню", да так увлекательно! Вдруг пол подо мной стал сотрясаться в такт плясовой. С ума я, что ли, схожу?

Потом выяснилось: соседка Шура услышала и не удержалась - поплясала немножко. А в ней 150 килограммов - любое перекрытие задрожит.

И так мне ясно представилось: одинокая старуха в ночной рубашке пляшет одна в своей квартире, одна на свете - и только пол на кухне отзывается ее веселью да встраиваются скудные седые волосенки... Прямо символ.

Рано утром кот Федот вернулся домой с драным ухом. Не успела я ему это ухо полечить - звонок. Коля Галахов с 7-го этажа. Как всегда, он был пьяноват, но уже "на выходе".

- Люба, - сказал он. - Твой кот знаешь какой герой? Я видел, как он наш двор защищал. Пришел чужак - рыжий, здоровущий, башка как арбуз. А твой как вылетит навстречу и бился с ним насмерть. Ключья так и летели. Я думал, этот рыжий убьет его. Нет, наш победил и погнал его - далеко прогнал. Я тут гулял маленько и все видел.

- Коля! В шесть утра!

- Ну, с Надькой поругались, вышел пройтись вообще-то. И тут увидел этот бой. Ну, герой он у тебя! Ему надо награду дать. Хоть медаль.

Хохотнул и ушел. Через 10 минут опять звонок. Опять Коля. В руке держит кусок горячего мяса (пар шел) на бумажке.

- На, награди я его за храбрость.

- Коля, откуда?

- У Надыки из борща вынул. Пока спит, а? - опять хохотнул и ушел.

Федот мясо съел с большим достоинством, будто понял, за что.

А вот вчера "Реквием" Моцарта" - вот это да! Эти оглушительные громы, нежные стоны, эти сплетения голосов, плачи флейт и выстрелы литавр - все это о человеке, который ушел. Да, да, такой маленький организм - по паре конечностей, утроба и голова - а он уходит - и рухнул мир, и громы небесные провожают исчезновение этого жалкого кусочка плоти и этой бесконечно живущей в нем Божьей искры. Величественное создание - человек. Величественное создание - Моцарт. Величественное создание - "Реквием".

- Дежурный 128-го отделения Егоров слушает, - молодой, деловой, скучный голос. Он, может, в сотый раз это сегодня повторяет.

- Знаете, - говорю, - может, я неправильно звоню, но тут у нас на стройку лосенок забежал. Толпа собралась. Он шарается, а там ведь котлован...

- Да ну! - радостный мальчишеский голос. В самом деле, не драка, не ограбили, не пьяный посреди лужи - лосенок - чистый, светло-серый, легкий детеныш.

- Сейчас подумаем... На Выставку позвоню, там у них есть кому. Отгонят. - И вдруг: - Спасибо.

Да, милый, подумалось, ну и работа у тебя.

Баран заявил о себе низким самодовольным баритоном.

Диктаторы и тираны - всегда из недоучек. Многознание дает гордость, но непременно и скромность, ибо знающему известно, как ничтожна мера его познаний в многосложно устроенном мире.

А диктаторы уж чего лишены, так это скромности.

За некой молодой вдовой ухаживал гвардейский офицер. Несомненно, был влюблен. Но предложения - нет, не делал. Что-то его останавливало. Она недоумевала, немного сердилась, но все же надеялась. Однажды он пригласил ее покататься в модном тогда ландо - пара лошадей, красавец извозчик, лакированный корпус, а верха нет - всем напоказ. В ожидании этой прогулки она заказала модистке роскошную кружевную шляпу. Шляпу доставили, и вдовушка стала вертеться перед зеркалом - то в старой шляпке, то в новой, то опять в старой... И опять - и новую, и старую, и опять новую, и... Но тут он позвонил в парадную дверь. Поехали. В полном сознании своего очарования, своей новой красоты она в этой поездке была так весела, так остроумна и прелестно кокетлива, что офицер не смог устоять и сделал ей предложение. Она, вся порозовев, ответила "да" и совершенно счастливая вернулась домой. Что значит

все-таки одежда! Он наконец-то заметил ее очарование, потому что шляпа его так усилила! В прихожей она подошла к зеркалу... и увидела, что шляпа на ней старая. Не в шляпке дело-то было, а в победительном ощущении своей неотразимости.

У двух старушек-девиц, получивших в свое время солидное традиционное воспитание, кошка приносила котят дважды в год. Они извелись, пристраивая малышей в хорошие руки. И, главное, на улицу она не выходила и не мякала так раздрающе, как обычно вопят кошки по весне. Откуда же? Наконец решили позвать ветеринара. Он осматривал эту загадочную кошку, когда из другой комнаты появился здоровенный кот и уставил на него недобрые глаза.

- Так вы что же меня вызывали? - поразился врач. - У вас же кот имеется. Вот и котят...

- Ну что вы такое говорите? - возмутились старушки. - Этого быть не может никак...

- Кастрирован?

- Боже избави! Но он же ее брат!

В далекой юности первое понимание особого посвящения человека: шел по Большой Дмитровке Александр Васильевич Гаук и, прикрыв глаза, пел что-то сложное, с переходом в минор. Куда шел, зачем - явно не помнил. Такого погружения не в себя я тогда не могла представить. Сейчас - если миг какой-то... Особые существа. Мы этого не можем.

Истинная демократия только одна - смерть.

Это был старинный деревянный дом с двумя пересекающимися лестницами: площадка одной приходилась на середину марша другого. Вроде одна стремилась вниз, а другая - вверх, и они собирались свистеть, как пряди троса. По второй лестнице не ходили, и стена у нее была без дверей, обита досками. Вот на площадке этой второй лестницы я увидела удивительное общество, загадка которого тербит меня до сих пор. Там, расположившись правильным кругом, сидели и молчали семь кошек. Недвижно и напряженно. Как статуи. Они пронзительно глядели друг на друга в полной тишине. Они так мощно общались, что на мои шаги не оглянулись, только ушами дрогнули.

У меня в том доме был урок.

Когда я через два часа уходила, их уже не было. Что они решили, о чем договорились? Кто кого нашел или потерял на том свидании? И что было потом? Загадка, загадка, а как хотелось бы понять...

Первая ее реакция на любое событие - сделать больно. Ну, если это невозможно, так хоть сказать гадость. Потом она вспоминает, что она христианка, и просит прощения смиренным голосом. А попросив, ни о чем не жалеет, не стыдится нисколько: "Я же извинилась!" - и готова к новым свинствам и пакостям. Легко живет!

Старший брат женился рано, и у него уже был сын Митя. Вот старший брат купил

сыночку игрушку - лягушонка на длинном шланге с полым шариком на конце. Нажмешь на шарик - воздух пробежит по шлангу, попадет в лягушонка - и он подпрыгивает. Приладишься - он у тебя и в стороны, и вверх, и вроде поползет, и вроде даже вбок посмотрит.

В общем, Митю еще раньше спать уложили, а старший брат и младший брат до половины второго играли в лягушонка и очень спорили, кому жать на шарик. Старшему было 23, младшему - 20, и такими мощными голосами они спорили, что не спали жена старшего, мама братьев, общая бабушка и второй бабушкин муж - дедушка Сева, который очень хотел тоже поиграть, но они ему не давали. Один Митя сладко спал в дальней комнате и ничего не знал.

Утром лягушонок оказался в кухне под столом, и поскольку без чужой помощи он попасть туда не мог, братья дружно взглянули на дедушку Севу и дружно засмеялись. А дедушка Сева будто был так занят своим завтраком, что не обратил внимания. Задумчиво жевал, подняв брови, и ни разу даже не улыбнулся.

Стали тянуться ко мне побитые жизнью женщины со всякими подробностями своих жизней - и так доверчиво, с такой жаждой поделиться, что не могу ни оборвать, ни перевести разговор, ни отказать от общения. Слушаю, киваю, спрашиваю что-то - и они так рады, такое у них детское доверие и удовольствие от разговора... Если это мне испытание, то спасибо. Это мне по силам, и я потерплю, лишь бы радовались.

Вот он вроде и порядочный человек, но там, где в душе должен быть стержень, у него вареная макаронина. Гнутся макаронно его взгляды и оценки. То соавтор - "подлец, себе сорок процентов, а мне двадцать". То он "все-таки поговорит обо мне, где надо...". То он "бездарь, я все за него писал", то он "ну все-таки творческий человек...".

Или: "Вы знаете, я не антисемит, но эта мерзавка называет себя Яковлевной, а она знает кто? Израилевна!" (с таким злорадством). При этом он действительно не антисемит. Никому ничего не хочет, кроме добра... Только перманентно пышет злобой.

Ничто не рождает во мне такой гордости, как великие здания и великая музыка. Авторы умерли, иные и неизвестны, вся жизнь переменилась - от еды до езды, от одежды до веры, а они все стоят, все звучат, и всем все так же внятно их величие. Значит, есть что-то общее в нас - древних, нынешних и грядущих? Значит, внимая великим созданиям, мы едины? Мы - человечество. Искусство скрепляет нас, как цемент.

Явилось новое поколение технарей-полуинтеллигентов - компьютерщики. Про свои ненаглядные компьютеры они говорят вполне серьезно, как о живых: "Он с Олей никогда ровно не работает. Не любит ее", "У Нинки принтер бумагу жует, а подойди Павлик - чудно выдает". Или

так: "Ну, он сегодня не в духе, не может ничего". А Саша? Печатала на компьютере статью, всадила туда цитату из Толстого. В компьютере у нее есть "редактор", и он определил, что в этом тексте что-то не так (чуть устаревают уже его языки). И этот "редактор" стал выдавать на экран: "Стиль! Стиль!" Саша же ответила вслух: "Дурак! Это Лев Толстой! Что, я для тебя Толстого править буду?"

Люблю болеть. Предвкушаю возвращение в обычную жизнь - вот где блаженство-то!

Продавец с обидой:

- У нас дорогой магазин, за полкило нечего сюда ходить.

Быдло так и лезет из каждого его слова, хоть он при галстук-бабочке. Быдло - принципиальное неуважение ко всем вообще. Кроме богатых.

С каким жадным восторгом смотрел этот человек на свою женщину! А она-то! Ни кожи, ни рожи, тощенькая, рыжеватая, в веснушках, бледные глаза, бесцветные бровки и реснички... Ну ничего в ней. А он увидел - женское, нежное, трогательное, единственное в мире такое... Слава мужчинам, способным восхищаться некрасивыми и не особенными, не звездами и не академиками - женщинами, созданными для заботы и восхищения! Слава силе жизни и радости любить!

Вот книга стихов. Отчет о жизни - сложнейшей, тончайшей, многоэтажной, полной загадок и тайных знаков. Какое богатство дала эта жизнь этой душе! А душа отдала всем, кому дано слышать.

В осенней ранней полутьме шли впереди меня женщина и ребенок лет трех-четырех. Он обернулся ко мне и вдруг сказал:

- Здравствуйте.

- Здравствуй, милый, - ответила я и почти не удивилась.

Мама его удивилась и с улыбкой наклонилась к нему...

Ушли. А я забыть не могу. Кто ты, милый? Как ты узнал меня в темноте? И почему меня? Что ты передал мне? От кого? Это ведь то самое чудо, которого мы объяснить не умеем. Оно есть - и какое бесконечное пространство Божественного мироустройства открывается в этом маленьком чуде!

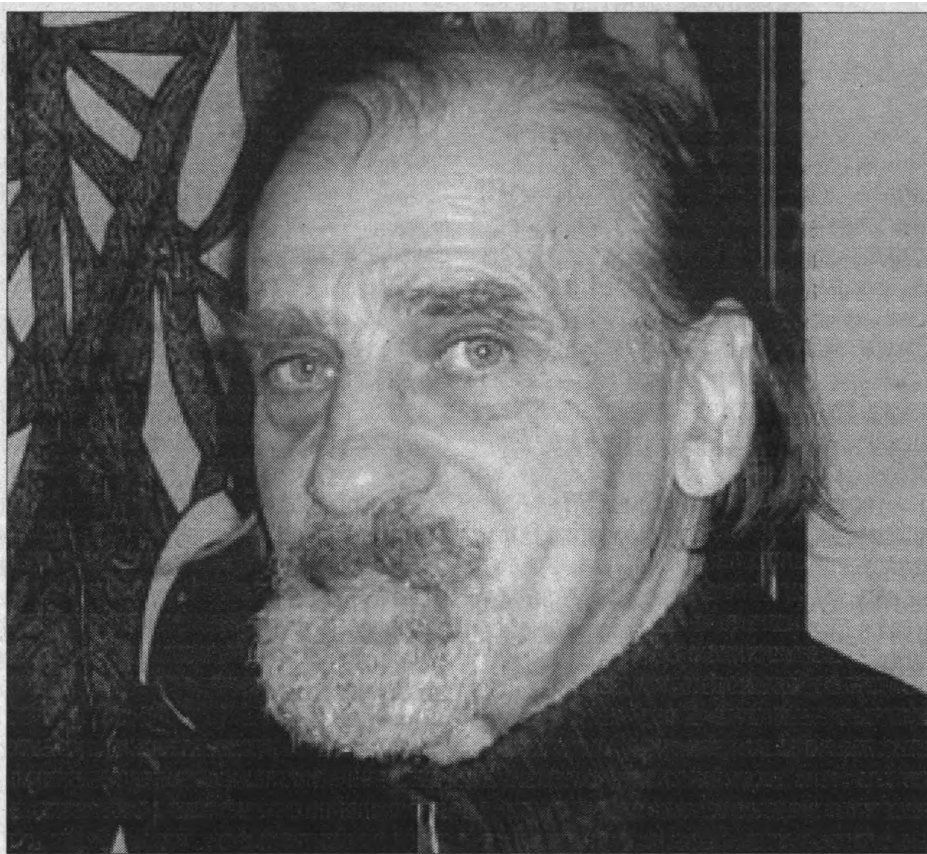
У меня есть верный тест. Заходит гость. В прихожей и в коридоре у меня фотографии животных. Иной в десятый раз заходит - животных не замечает, сидит долго со своим делом, разговором... Уходит - и опять мимо животных, не видя. А иной как войдет - сразу увидит, и обрадуется, и заулыбается, станет расспрашивать и рассказывать. Совсем другая душа. С такими мне легко и долго беседуется.

Никогда я не жила с таким удовольствием, как сейчас, с таким частым ощущением блаженства в каждый миг жизни. Никогда, как сейчас, у дверей смерти.

Публикация Ларисы Казакевич

Ефим ГАММЕР

КУРС НА НИЦЦУ



Сначала были сновидения. Потом километры-мили. И превращения сновидений в сказки. И превращения сказок в явь.

Начну с себя. Много лет я "отмахал" на ринге.

Я привык к тому, что я один, и противник мой один, и нам никто не мешает для взаимоубойного выяснения дружеских отношений.

Я привык к одиночеству на ринге.

Но я разговорчивый человек.

Мне чужда молчаливая медитация. И что? Я загнал себя в молчаливую медитацию. На весь срок отпуска.

Однако мне необходим собеседник. Что делать? И я придумал его за рулем.

Над моим прокатным "ситроеном" - антенна, худющая, как йог. Антенна - сводница. Извлекает голоса из мирового пространства, и на бархатных ножках различных тембров вталкивает их в салон легковушки.

Я настраиваю приемник на журчание израильского ручейка, прибавляю громкости. Дальше - акт творенья, очеловечивание голоса, женского, естественно, голоса...

Вот теперь - скорость, чтобы похищенная из динамика женщина не выпрыгнула из машины. И - по указательным знакам. В ту или иную сторону - все равно! Была бы Ницца - на карте! Ницца, где творил романы и рассказы Иван Бунин, создавал витражи Марк Шагал. Ницца, где на днях во Дворце культуры и спорта открывается международная выставка художников. На этой, грандиозной по своим масштабам экспозиции представлены и мои работы.

На автобане Париж - Лион высветилась представительная заправочная станция с магазинами, мотелями и бесплатными стоянками. Время позднее, пора думать о ночлеге. Подкатил к магазину, поставил "ситроенчик" на видном месте, у светящейся витрины. И пешочком к длинному, как казарма, зданию. По замыслу архитекторов, здание это являлось неким раем для автомобилистов всех стран и наречий. И столовая в нем. И ресторан. И газетный киоск для грамотных. И лавка с сувенирами. И, главное, гостиница, самая фешенебельная из "походных" - "Формула-1". Но куда затерялась эта "формула" никак не пойму. Я и на лифте. Я и по эскалатору. Я и по крутым, вкруговую восходящим лестницам. Нет моей "формулы". Сгинула. Направляющие стрелки везде, а приткнуться некуда.

Ладно! Не дается мне "формула" на автозаправочной станции, рвану в близлежащий городок - там и прикурю. Как его звать-величать? Макон? Хорошо, в маршрутном листе нам Макон не писан, но... бытие определяет сознание и направление действий. Так я решил и двинулся к выходу. Но дальше, когда я "пошел на выход", все, в противовес моим желаниям, пошло кувирком. Я вперед, а дорога выходит назад. Я прямо, а выходит криво. Наконец выбрался из казарменного здания. И

по-быстрому к светящейся витрине, возле которой оставил машину.

Светящаяся витрина на месте, и говорит мне "бонжур, приятель-апаш". А "ситроен", даже не сказав "адыо", исчез с бензозаправочной станции. Со всем багажом и картинами личного моего производства. Я не Шагал, не Модильяни. Будут деньги, их картины приобрету. А свои собственные? За деньги покупать не стану, второй раз нарисовать не удастся.

Вспомнилось мне: на супердорогих "БМВ" или "Вольво" въезжать в Италию не рекомендуется. В агентствах отказываются страховать их, если турист направляется на родину Гарибальди: там украсть престижную иномарку - плевое дело. На "фирменных марках", пусть даже будут они дешевыми микролитражками, не рекомендуется въезжать на территорию бывших соцстран. Опять-таки крадут, причем не избирательно: не самые-самые "Антилопы-гну" для миллиончиков, но и любую заморскую "тачку", обутую в колеса. Но чтобы украли машину в центре Франции? И у кого? У меня, любимого! Такого не бывало! Проблема в том, что я даже в полицейский участок позвонить не могу из-за незнания языка.

Однако не все потеряно, если при мне паспорт и тугрики, необходимые для расходов. И я направился вокруг магазина со светящейся витриной, обманывая себя тем, что, может быть, моя машина самостоятельно перебралась подальше от ярких реклам в какой-то темный закуток. Но нет! Моя машина - не из породы управляемых мыслью. Не выискалась она и за магазином. Но там, за магазином, стояло несколько семитрейлеров, таких грузовиков, напоминающих размерами пульмановские

вагоны. И мне, пусть и неискушенному в угоне автомалюток, стало ясно: загнали мой "ситроенчик" в какой-то из этих неохватных гробов, и теперь - с песней! - умчат его за кудыкину гору.

В мозгах - пар. В глазах - дым отечества, что нам радостен и приятен. В душе скребутся кошки с лошадиной силой.

Опомнился я уже в магазине со светящейся витриной - моим опознавательным знаком. Показываю паспорт недоумевающей продавщице и говорю сразу на нескольких доступных мне языках, нечто подобное:

- Майн коп не понимает, эскюз ми, мадмуазель, как это тиснули здесь, напротив ваших прекрасных глаз мой "ситроен" - э блэк кар.

Продавщица поняла только слово "ситроен", и выкладывает на прилавок каталог прокатной фирмы "Сеттер".

Снова принимают меня за американца. Снова хотят побаловать меня сервисом - высший сорт - за мои деньги. А их не так-то много, чтобы на каждой заправочной станции приобретал я по автомашине. Мне бы найти свою малютку да поспеть в Ниццу на открытие выставки, а там хоть трава не расти. Тут и проклюнулась во мне здравая мысль: "А вдруг "твой магазин" с освещенной витриной стоит по другую сторону автобана?"

"Как так - по другую сторону?"

"А так! Заметь, в "твоем магазине" за прилавком сидела почти что старушка, здесь - совсем молодушка".

И тут меня осенило.

Я кинулся к бензозаправщикам.

- Куда, - говорю, - ведет эта ваша дорога-шоссе? В Лион?

Молодые ребята поняли меня, улыбаются, указывают направление.

- В Париж, - и показывают рукой, чтобы я не ошибся: туда-туда...

- Как в Париж, когда мне в обратную сторону?

На каком языке балакал с ними не помню, да и вспоминать неохота: три слова английского происхождения, одно русское, зубоскалистое, и на посошок французское - "мерси". Но помню, что рванул в казарменное здание, которое, как увидел теперь перекинуто аркой над асфальтовой магистралью. И торопливо мерил шаги по его бесчисленным коридорам. Ехал на эскалаторе, поднимался на лифте и кружил по лестницам. Но - баста! - не смотрел на зазывные стрелки, зовущие на ночь в "Формулу-1". Плевал я на все их "формулы", как и в юности, когда отверг техническое образование ради университетского.

И что в результате?

В результате выяснилось: во Франции не крадут маленькие "ситроенчики". Стоит моя подружка у светящейся витрины, где ее и оставили. Стоит напротив вполне пристойного магазина с продавщицей - почти старушкой, которая предложит тебе все, чего ни пожелаешь, если при себе имеешь на это все деньги. Деньги у меня были, но я предпочел не покупки, а элементарное бегство - куда подальше от "полиглотовских" достижений, прибивающих краски моим ушам.

Куда ведет странника в полдень дорога?

Дорога ведет в Альпы, из Шамбери в Женеву.

Дави на педаль газа, крути баранку, глазей по сторонам, пока не утомишься.

Ближе к вечеру я утомился. И было от чего...

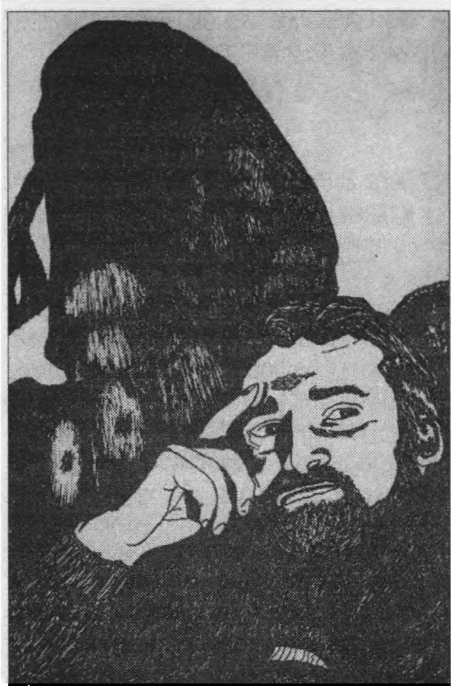
Говорят, умный в гору не пойдет, умный гору обойдет. Я не хотел быть умнее других, и вот вяжу петли на заоблачном шоссе. Сумерки. Горизонт закрыт. Мотор надрыдается.

На обочине вырисовывается альпийский отель "Карьер"- пристанище громыхающее поддатой компанией. В вестибюле никого. В баре полно. И хозяева там, и гости. Милое зрелище.

Старик с лицом Жана Габена сидит в углу за стаканом. Посасывает вино, степенно беседует с приятелями. Тут все - приятели, все - жители окрестных деревень. Съезжаются вечером к своему культурному очагу и делятся новостями.

Я заказал себе кофе с коньяком и комнату. Принесли кофе. Принесли коньяк. Сажу себе спокойненько, размышляю. Под рюмку "Курвуазье" и под сигарету "Тайм" это хорошо получается. И невольно - нет, не своими размышлениями, а своим видом привлекаю внимание окружающих.

Атмосфера этого высокогорного кабака напоминает мне тирольскую пивнушку времен давнего моего заграничного путешествия. В той пивнушке я небрежно бросил официанту - "бир", по-немецки "пиво". Слово это производное от ивритского - "бира", что тоже означает "пиво". Потому и далось



мне легко, просто-напросто само соскочило с губ. Заказ, естественно, самый обычный для тамошнего разносчика слабоалкогольных напитков. Естественно, он был мгновенно понят и принят к исполнению. И мне, естественно, незамедлительно приносит кружку пива. Но емкость кружки была для меня не естественной, крупная емкость, в локоть величиной, а диаметром с эйнштейновскую голову. Что на это скажешь? "Гуд!" - да и только. Стал я пить. Пью-пью - дна не вижу. Но смотрю: приглядываются ко мне бочкоподобные граждане - тирольцы, в коротких, до колен, штанишках и зеленых шляпах с птичьими перьями. Пью-пью, допиваю - приближаюсь ко дну. Люди придвигают ко мне стулья. И под предлогом того, что принимают за своего, давай "шпрехат" с наступательным вопросом в голосе: кто я такой, пьющий литровую банку пива до дна? И откуда взялся на их вершине европейского мира? И как при незначительном своем росте - метр шестьдесят с пятью дополнительными копейками - и без приметного невооруженным глазом брюхала, выхожу на поединок с их пивной бадьей?

Как? А так! И я плеснул в себя остатки, которые сладки.

Язык тирольцев ближе к идишу, чем я мог предположить. Идиш я более-менее понимаю, но говорить на нем не умею. Растолковать моим общительным соседям, что я старый боксер, умелый сгонщик веса, я не мог. А то сказал бы им, что, сгоняя вес, ничего не ел, допустим, неделю, а емкости свои, для иллюзии сытости, наполнял водой. Затем перед взвешиванием успешно изгонял ее из тренированного организма веками проверенным способом. Но всего этого я не мог им выложить даже при великом желании. Поэтому и воспользовался своей палочкой вырубалочкой, которая почему-то безотказно действовала на всех европейских просторах.

- Их бин офицер, - сказал я.

- О! Гут-гут! Офицер!

Для немцев офицер - это лицо, не просто требующее уважения. Для них офицер - это, скажем - не ошибемся, человек высшего порядка. Он способен

на все! И роту поднять в атаку. И весь персонал публичного дома положить по стойке "смирно". А в отношении выпивки с офицером вообще никто не в силах сравниться, разве что русский солдат.

Однако как растолковать все это немцам? На пальцах? Но пальцев всего десять, а слов понадобится не меньше, чем патронов в пулеметной ленте.

- И какой же ты армии офицер? - донимают меня завсегдатаи тирольского пивного заведения.

Подбираю обойму слов из всех известных понемногу языков. И - вперед:

- Их бин офицер фром цава- (армия, иврит) - Израэль.

- О! Майн гот! - выводят с восторгом. - Израэль! Израэль! Даян! Шарон! Голда Меир!

- Израэль! Израэль! Ам Израэль хай! - "Народ Израиля жив!" - подключаю я к разноманному хору и припев знаменитой песни, звучащей по Евровидению и на эстрадах всего мира.

- Хай! Хай! Хайль! - поддерживают меня немцы. И начинают со знанием дела "шпрехат" на полупонятном тирольском наречии об израильской армии, и к месту или нет всовывают в накопленные познания любимое с давних времен словечко "блицкриг".

Скорость, тормоза, снова скорость. И вот на горизонте конечный пункт путешествия - Ницца. Приморский город. Почти столь же прославленный деятелями литературы, как и Одесса. Насчитывает 400 тысяч душ постоянно-го населения, при наличии миллионного десанта из курортников, приезжающих регулярно на променады. Но какой город лучше - не знаю. По Одессе шастал три дня - не разобрался. В Ницце тоже дефилировал всего три дня. И опять не разобрался. Но кое-что увидел и подсмотрел. С горы в бинокль увидел, что Ницца расположена на Лазурном берегу Франции, в небольшой по размеру бухте. Здесь подсмотрел воочию, ходя ножками по мостовой, много ресторанчиков. Один называется очень уж ностальгически "Лаванда". Если не ошибаюсь, в Одессе продавали одеколон "Лаванда", которым местные эстеты брызгали себе на лицо, а не местные - в горло, чтобы унять похмелье. Здесь, в Ницце, "Лаванда" не для принятия внутрь. Здесь в "Лаванде" тебя принимают, как заезжего принца. И несут, несут на подносах. Что? Сообщаю: омары, креветки, крабы, мидии, лангусты.

В Ницце очень любят русское искусство. И еврейское, замечу, тоже. Тут есть музей Марка Шагала, в котором представлены его витражи.

В 1987 году моя графика выставлась рядом с шагаловским гобеленом, подаренным им нашей стране. Было это в Иерусалиме - в израильском парламенте кнессете, где проходила первая, историческая, стало быть, выставка художников-репатриантов.

Сегодня мои работы экспонируются в Ницце - во Дворце культуры и спорта, рядом с музеем Шагала. Он с 1950 года жил в самой близости от собственного

музея, в городке Ванс, на том же юге Франции, где и я сейчас нахожусь. И дожил почти до ста лет, чего и себе желаю.

В молодости, когда я читал книгу Бунина в Риге, мой папа Арон Фроймович Гаммер, коренной одессит, говорил мне, что в детстве ходил с ним, Иваном Алексеевичем, по одним и тем же улицам в районе нынешнего Главпочтамта и Нового базара. Было это в девятнадцатом году.

- Бунин был совсем взрослый и знаменитый, - говорил мой папа, - и ходил мимо меня в гостиницу и ресторан. А я был совсем еще маленький, и отирал клешами тротуар в обратную от Бунина сторону, так как мне надо было поспеть в "хедер" - еврейскую школу для начинающих. Бунин писал тогда в Одессе "Окаянные дни". А я тогда примерял в Одессе на себе эти дни окайненные: по росту ли? тут не жмут? там не тянут? И убедился, сшиты на вырост. До окончания века. А если и на размер меньше, то - ничего: голову отсечешь, и в самый раз покажутся.

- Папа! - поинтересовался я. - По твоему рассказу выходят, что все люди после примерки оставались без голов?

- С головой, сынок, не придумаешь, что при нашей бедности по части питания и одежды, но при наличии воровства и хамства можно коммунизм построить за двадцать лет.

- А за сколько можно, если с головой?

Папа промолчал. Слишком для него был неожиданным переход из голодного девятнадцатого года к хрущевским утопиям. Он близоруко сощурился, подняв на меня глаза. И, казалось бы, взглянул в день сегодняшний из своего детства, из того, памятного всей еврейской (и не только еврейской) Одессе октября 1919 года, когда в городской газете "Южное слово" были опубликованы заметки Ивана Алексеевича Бунина.

"Опять еврейские погромы, - писал он. - До революции они были редким, исключительным явлением. За последние два года они стали явлением действительно бытовым, чуть не ежедневным. Это нестерпимо. Жить в вечной зависимости от гнева или милости разнузданного человека-зверя, человека-скота, жить в вечном страхе за свой приют, за свою честь, за свою собственную жизнь и за честь и жизнь своих родных, близких. Жить в атмосфере вечно висящей в воздухе смертельной беды, кровной обиды, ограбления, погибать без защиты, без вины, по прихоти негодая, разбойника - это несказанный ужас, это мы все - уже третий год переживающие "великую русскую революцию", - должны хорошо понимать теперь. И наш общий долг без конца восставать против всего этого, - без конца говорить то, что известно каждому мало-мальски здравому человеку и что все-таки нуждается в постоянном напоминании. Да, пора одуматься подстрекателям на убийство и справа и слева, революционерам и русским и еврейским, всем тем, кто

уже так давно, не договаривая и договаривая, призывает к вражде, к злобе, ко всякого рода схваткам, приглашает "в борьбе обрести право свое" или откровенно ревет на всех перекрестках: "смерть; смерть!" - неустанно будя в народе зверя, натравливая человека на человека, класс на класс, выкидывая всяческие красные знамена или черные хоругви с изображением белых черепов".

А вот дневниковые записи 1943 года, которые Бунин вел в Грассе, поблизости от Ниццы, где прожил на вилле с Верой Николаевной и Галей, женой и любовницей, с 1922 по 1945 год:

10. XII. Пятница.

10 лет тому назад стал в этот вечер почти миллионером. Банкет, Кронпринц, Ингрид. Нынче у нас за обедом голые щи и по 3 вареных картошки. Зато завтракали у Клягина - жито, рис, все плавает в жиру.

Взята Знаменка.

18. XII. Суббота.

Прекрасная погода.

Все думаю о краткости и ужасах жизни.

Слушал радио-прованс, музыка и пение - девушки - и опять: как скоро пройдет их молодость, начнется увядание, болезни, потом старость, смерть... До чего несчастны люди! И никто еще до сих пор не написал этого как следует!

В девятнадцатом году Арон Фроймович Гаммер, в ту пору Ареле - маленький еврейский мальчик, пухнувший от голода, ходил в Одессе по одним улицам с Буниным. Сегодня я хожу в Ницце по улицам, несущим память о нем. С этой памятью я и уезжаю в Израиль.

Прощай, Ницца! Здравствуй, Иерусалим!

Ефим Гаммер – автор множества книг, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству, обладатель Гран-при и 13 медалей международных выставок в США, Франции, Австралии. Среди литературных премий - Бунинская. В 2012 году стал лауреатом (малая золотая медаль) 3-го Международного конкурса им. Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков и дипломантом 4-го международного конкурса имени Алексея Толстого. В 2015 г. объявлен дипломантом Германского международного конкурса русскоязычных авторов "Лучшая книга года". Публиковался в журналах "Литературный Иерусалим", "Арион", "Нева", "Дружба народов", "Кольцо А", "Белый ворон", "Новый журнал", "Вестник Европы", "Слово/Word", "Эмигрантская лира", "Дети Ра", "Урал", "Сибирские огни", "Плавучий мост" и других. Живет в Израиле.

"ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ" ИЗРАИЛЯ

"Она была она величайшей из поэтесс, каких только знала Германия. Ее сюжеты были многослойно еврейскими, ее фантазия имела восточную окраску, но язык ее - немецкий; роскошный, блистательный, нежный, зрелый, пряный язык, каждым своим побегом произрастающий из самого ядра творческой субстанции. Неколебимо верная себе, фанатично заклиная самое себя, на дух не перенося все сытое, благонадежное, миленькое, она умела на этом языке выразить свои страсти, не раскрывая потаенного и не раздвигая того, что было ее сутью", - так немецкий новеллист, эссеист и поэт Готфрид Бенн отозвался о творчестве Эльзы Ласкер-Шюлер, германской писательницы и поэтессы еврейского происхождения. Со дня ее рождения минуло 150 лет.

На свет Эльза появилась в Рейнской области в Эльберфельде (ныне это - один из районов разросшегося города Вупперталь), в семье с глубокими религиозными корнями: среди ее предков были авторитетные и уважаемые раввины. В семье Эльза была самой младшей из шести детей. Ее мама - Жаннет Шюлер, урожденная Киссинг, стала впоследствии героиней многих стихотворений своей дочери; отцом являлся еврейский банкир Аарон Шюлер. Эльзу считали вундеркиндом - в четыре года она уже умела читать и писать. Детство и отрочество Эльзы было морально тяжелым: 13-летняя, она пережила смерть любимого брата Пауля, а затем утраты в семье следовали одна за другой: не стало матери, потом ушел из жизни отец. К матери Эльза была привязана по-особенному, и кончину Жаннет эмоциональная и впечатлительная девушка, по ее собственному признанию, восприняла как "изгнание из рая".

Получив образование, Эльза Шюлер в 20-летнем возрасте вышла замуж за доктора Йонатана Бетольда Ласкера, старшего брата Эммануила Ласкера, который, как известно, стал чемпионом мира по шахматам. Супруги переехали в Берлин. Там 120 лет тому назад Эльза написала свои стихи, а через три года в свет вышел "пристрелочный" сборник поэтических ее произведений - "Стикс". Через год после этого, Эльза рассталась с супругом. Вторым ее мужем стал писатель еврейского происхождения Георг Левин, публиковавшийся под литературным псевдонимом Герварт Вальден и получивший также известность, как композитор, художественный критик и меценат. Он прославился, как один из выдающихся исследователей и пропагандистов немецкого авангардизма начала XX столетия.

В германской столице Эльза завела многочисленные и важные литературные знакомства, посещая кафе и клубы, где собирались берлинские интеллектуалы. В 1906-1907 гг. в периодике появились ее первые прозаические публикации и был издан сборник прозы "Ночи Тино в Багдаде". В 1909 г. она написала и опубликовала пьесу "Вуппер", а спустя два года, вынесла на суд литературной общественности новый поэтический сборник "Мои чудеса", после которого о



ней заговорили, как о первой поэтессе, начавшей писать в манере экспрессионизма. В 1910 г. в берлинском "Неопатетическом кабаре" состоялся музыкально-поэтический вечер с ее участием.

Разведясь с Георгом Левиным в 1912 г., Эльза оказалась в тяжелом материальном положении и выжила в это время только благодаря поддержке друзей, в особенности литератора Карла Клауса, который публиковал ее произведения в своем журнале "Факел". В том же году она встретила с процитированным нами выше Готфридом Бенном, ставшим одним из ее лучших друзей. Он посвятил ей множество своих стихотворений. Такой вот Эльза запомнилась этому литератору: "Она была маленького роста, стройная, словно мальчик, черные, как смоль, волосы коротко острижены - в то время такая женская прическа была еще в диковинку, - глаза большие, иссиня-черные, ускользающий, неповторимый взгляд. И тогда, и позднее, стоило только появиться на улице вместе с ней, как весь мир вокруг застывал в изумлении, уставившись ей вслед: экстравагантные широкие юбки или брюки, а выше - еще более немыслимое облачение, шея и руки усыпаны броской бижутерией... Питалась она нерегулярно, ела очень мало, неделями могла обходиться лишь орехами и фруктами. Нередко спала на скамьях, бедствовала во всех жизненных ситуациях и на протяжении всех своих дней".

Известность пришла к Эльзе после выхода книги стихов "Еврейские баллады", изданной в 1913 г. Этот сборник создал образ "черного лебедя Израиля", как выразился Петер Хилле, - поэтессы, ставшей голосом народа, к которому она принадлежала. В годы Веймарской республики ее общественная репутация еще более упрочилась. Издатель Пауль Кассирер выпустил собрание ее сочинений, а в 1932 г. Эльзе Ласкер-Шюлер была присуждена премия Клейста - "за

вечные ценности ее поэзии, которые не уступают бессмертным творениям величайших немецких мастеров". Эта награда, которой была удостоена еврейка, вызвала злобные отклики в прессе фашистского толка, предвещая для Эльзы грядущую беду.

Вскоре после прихода к власти нацистов, Эльза подверглась нападению штурмовиков. Она бежала в Швейцарию, но смогла убедиться во враждебном отношении в этой стране к беженцам-антифашистам. Друзья уговорили ее отправиться в Палестину, где ее собратья возрождали в ту пору национальный очаг. И она отправлялась туда, выступая с чтением своих стихотворных произведений. В 1938 г. Эльза Ласкер-Шюлер была лишена германского гражданства, и все ее книги в рейхе попали под запрет. В 1939-м Эльза не смогла вернуться из очередной поездки в Палестину: началась Вторая мировая война. Ее последние годы прошли в узком кругу друзей-эмигрантов. В 1943 г. в Иерусалиме тиражом 330 экземпляров с авторскими иллюстрациями в свет вышел последний прижизненный сборник ее лирики - книга стихов "Мой голубой рояль". В январе 1945-го, не дожив до победы над нацизмом, приблизившей час провозглашения независимости Израиля, Эльза Ласкер-Шюлер скончалась, не перенеся тяжелого сердечного приступа. Ей было семьдесят шесть лет. Ее прах погребен на Масличной горе в Иерусалиме. Там же, в Иерусалиме бережно сохраняется архив Ласкер-Шюлер.

Поэзия Эльзы, по мнению литературоведов, отличается образностью ритмов, особой яркостью красок и причудливостью метафор. Основные темы ее лирики выделить непросто, но в первую очередь это, бесспорно, волновавшая поэтессу историческая судьба еврейского народа, начиная с легендарных библейских времен. При этом главным для Ласкер-Шюлер стала не столько история гонений, сколько именно неповторимая атмосфера, породившая древние сказания и легенды. Поэтическое творчество этого автора навеяно образами детства, воспоминаниями о родителях, особенно - о горячо любимой матери, о красоте отчего дома и сада с его яркими гвоздиками - о них поэтесса вспоминала в мрачные годы скитаний тела и души. Но на читателя со страниц ее книг обрушивается еще и ураган любовных признаний и скорбей. В холодный, неприветливый и равнодушный мир она несла доброту и любовь. Как надо полагать, веря в спасительную силу большой любви.

Подлинное признание и почитание со стороны ценителей поэзии пришли к Эльзе Ласкер-Шюлер четверть века спустя после ее ухода из жизни. Ее именем названа улица в Эльберфельде, множатся издания ее стихов. Трехтомное собрание ее сочинений издано в Мюнхене в 1959-1962 гг., а с 1996 г. известный литературовед, боннский профессор

Норберт Эллерс со своими сотрудниками издает наиболее полное собрание ее сочинений, иллюстрируемых сохранившимися оригинальными и впечатляющими рисунками поэтессы. В память о ней в Берлине ныне установлены две мемориальные доски. Первая - на доме, где в 1909-1911 гг. жила Эльза Ласкер-Шюлер (по адресу: Катариненштрассе, дом 5), и где они, совместно с Гервартом Вальденом, издавали экспрессионистский журнал "Der Sturm". Вторая - на доме, где ей довелось жить с 1924 по 1933 год (Мощштрассе, дом 7). В 1990 г. в Вуппертале было создано политико-литературное "Общество Эльзы Ласкер-Шюлер". В Германии также учреждена Драматическая премия имени талантливого литератора, увы, не востребованного, по достоинству, своими современниками.

Из поэтического наследия Эльзы ЛАСКЕР-ШЮЛЕР

Моя мать

Была ли она архангелом,
Ступавшим рядом со мною?
Или мать моя похоронена
Под небом из дыма -
На ее могиле не расцветет незабудка.
О, если б глаза мои просияли
И ее одали светом...
Если б улыбка моя не угасла,
Я бы ее засветила в надгробье.
Но я знаю такую звезду,
Где всегда светло,
Я ее пронесу над могилой.
Теперь я буду всегда одна,
Как архангел,
Ступавший рядом со мною.

Авель

Очи Каина не радуют Бога,
Лик Авеля - сад золотой,
Очи Авеля - соловьи.
Авель поет так светло
На струнах души своей.
Тело Каина изрыто городскими стоками.

И он убьет брата -
Авель, Авель, кровь твоя небо багрит.
Где же Каин? Я брошусь к нему:
Ты дивную птицу убил
В облике братнем?

Перевод Грейнема Ратгауза

Вооз (Боаз)

Всюду ищет Руфь
золотые васильки
рядом с хужиной сторожей,

и сладостную бурю
с искрящейся игрой
несет Воозу в сердце,

которое томится
в его садах пшеничных
по чужеземной жнице.